

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:
Москва, Кузнецкий Мост, д. 7. Телеф. 2-80-42
3-18-42

ЦЕНА НУМЕРА в Москве и провинции 35 коп.

№ 19

17 мая 1925 г.

№ 19

К итогам и перспективам надзора за революционной законностью.

(По поводу доклада т. Солнца на XIV Всесоюзной конференции РКП (б).)

Имеющийся в распоряжении Центральной Прокуратуры статистический материал относится к 1924 году, сведения за первую четверть этого года поступили далеко не от всех местных прокуратур. Не все моменты работы прокуратуры нашли свое отражение в тех формах отчетности, по которым давались сведения: формы несколько отстали от выдвинутых жизнью новых требований.

Тем не менее, при всех несовершенствах нашей статистики она все же дает ряд верных иллюстраций положения вещей по надзору за революционной законностью.

Вот, например, несколько цифр, характеризующих работу прокуратуры в деревне.

В 1923 г. выезды представителей прокуратуры в деревни имели место в единичных случаях; 1924 г., в особенности 2-е полугодие, дает уже иную картину.

В одном из предыдущих номеров „Еженедельника“*) уже были приведены данные с достаточной наглядностью характеризующие рост работы в деревне за 2-е полугодие 1924 г.

Еще более усилились выезды в текущем году.

Состоялось, например, выездов, обследований, докладов:

ГУБЕРНИИ.	1-я четверть 1924 года.	1-я четверть 1925 года.
Орловская	6	68
Ярославская	6	16
Рязанская	32	183
Саратовская	79 (включая и доклады на рабочих собраниях).	110 (из 2-х участков сведений нет).
Калужская	5 (обследований).	98 (21 ВИК, 33 сельсовета, 24 волнил., 20 выступлений).
	2 (выступления).	50 (выступления).

Выезды в волости и деревни сопровождаются приемом жалоб крестьян на месте и выявлением разнообразных незаконных, нередко и просто преступных явлений; при этом прокуратура на местах координирует выезды с местными партийными органами.

Не менее характерными являются сравнительные числа опротестования незаконных постановлений низовых органов власти.

Как уже было указано, большинство протестов, принесенных за 1924 год, падает на постановления ВИК'ов и УИК'ов.

Еще в большей степени это справедливо для текущего года. Вот, например, сравнительные цифры распределения протестов прокуратуры за январь-март 1924 г. и январь-март 1925 г. (числитель—1924 г., знаменатель—1925 г.).

ГУБЕРНИИ.	Всего принесено протестов.	На постанов. губернских органов.	Уездных.	Вязов.	Сельсоветов.
Златоустовский окр.	3/22	2/3	1/12	0/7	—
Вотская обл.	36/47	2/4	30/4	4/32	0/7
Донской окр.	13/27	—	12/4	1/23	—
Рязанская губ.	26/29	12/1	12/16	2/10	0/2
Воронжская	49/61	3/10	41/25	0/21	0/5
Линьградская	248/303	110/81	135/188	3/34	—
Гмльская	18/43	11/2	5/26	2/15	—
Иваново-Вознесенская	9/18	3/8	6/5	0/5	—

Ясно, что в текущем году прокуратура вплотную начинает подходить к борьбе с нарушениями революционной законности в деревне.

Разрешение задач по приданию работе прокуратуры в деревне еще более интенсивного, планового и систематического характера находится в тесной связи с скорейшим разрешением вопроса о пополнении штатов прокуратуры в наиболее крупных уездах дополнительным пом. прокурора: одному пом. прокурора на уезд физически невозможно в желательной степени обслуживать город и деревню.

*) См. „Еженед. Сов Юстиции“ № 17—1925 г. „Работа в деревне“, стр. 462.

Что касается деятельности прокуратуры по опротестованию незаконных постановлений вообще, то общее число протестов и предложений в порядке надзора за 1924 г. выразилось:

Опротестовано в цифр постановл. местной власти.	Внесено в ГИК.	Внесено в УИК.	В др. губ. орг.	В УИК.	Удовлетвор.	Отклонено.	% Удовлетворен. й.
За 1924 г. 240	1618	4721	4887	5974	14543	723	4,7%
За период времени с организации прокуратуры до 1/1—24 г. 209	1507	2483	2544	2276	7927	497	5,9%

Как уже указывалось, рост этот совершается за счет усиления случаев опротестования постановлений низовых органов власти и всецело объясняется усилением работы прокуратуры на периферии. Число же случаев опротестования постановлений ГИК'ов и УИК'ов идет на убыль. Известную роль здесь, несомненно, сыграли: а) установление предварительного просмотра прокуратурой проектов издаваемых ГИК'ами и УИК'ами обязательных постановлений, б) усиление участия представителей прокуратуры в заседаниях административных органов — методы, позволявшие предупредить принятие нарушающих закон постановлений.

Результат предварительного просмотра проектов обязательных постановлений по некоторым губерниям выразился:

Губерния.	Всего просмотрено проектов.	По ним не внесено поправок.	Во сколько случаев поправки внесены.	Сколько дан заключений об отклонении протестов.	Примечание.
Тверская	79	26	29	24	За 2-е полугодие 1924 г.
Тамбовская	66	—	—	—	
Вотская обл.	109	58	48	16	
Костромская	122	—	25	19	
Амурская	60	30	—	—	
Ивановская	167	103	64	—	
Самарская	55	—	14	—	
Астраханская	123	—	21	3	
Коми область	29	19	20	—	
Ново-Николаевск	46	24	16	9	
Ставропольская	55	35	10	10	

Надо заметить, что самый факт почти повсеместного закрепления порядка предварительного согласования с прокуратурой проектов обязательных постановлений ГИК'ов и УИК'ов (что в 1923 г. встречалось лишь в виде исключения) служит показателем перелома отношений местных органов к вопросам революционной законности и прокуратуре, как органу, на который Партия возложила задачу непосредственного надзора за проведением ее.

Показательным является также и снижение процента отклоненных протестов (с 5,9 до 4,7%) и протестов, перенесенных, за неудовлетворением их на местах, в центр.

Что же касается участия в заседаниях различных административных органов, то в общей сложности для 50-ти губерний 2-е полугодие дает превышение сравнительно с первым на 1.584 или на 15,3%.

Содержание протестов отличалось громадным разнообразием. Значительная группа их направлена против всевозможных форм местного налогового творчества, широко распространенного, несмотря на неоднократные и категорические запрещения центральной власти.

Другая группа протестов направлена против незаконного наложения административных взысканий и против других постановлений различных органов, вынесенных с явным превышением предоставленных им полномочий и прав.

В дополнение к примерам, приведенным в предыдущей статье, можно указать еще на следующее. Так, в № 13—25 г. журнала „Власть советов“ читаем об обязательном постановлении Ключевского ВИК'а Котельничского у. Вятской губ., изданном в феврале 25 г., в котором ВИК предлагает „установить в селениях порядок и тишину и дисциплину“, обязывает всех граждан в недельный срок возратить все взятые в библиотеке книги, предлагает производить аренду лесов, строго соблюдать правила учета военнообязанных, следить за исправным содержанием пожарного обоза и т. п.

В другом случае совместно с гражданами села Харитенки в числе 32 человек ВИК постановляет: „С завтрашнего же дня поставить в нашей деревне караул для охраны общественного порядка из 3 чел. в сутки. Все безобразия, учиненные гражданами и даже только предполагаемые (?), искоренять в целом и на каждое такое явление доносить своевременно соответственным властям. Еженедельно по субботам, в 3 часа дня, устраивать собрания граждан обоого пола от 18 лет в здании волисполкома, на каковом разрешать всевозможные вопросы совместно с волисполкомом, а также, усматривая привязанность к совласти в виде ее правильных действий и желая поставить себя на должную высоту, обязуется в двухнедельный срок выполнить единый с.х. налог полностью 100%“... И дальше: „тех граждан, которые будут выявлены следственными органами, выслать их на вечное поселение из пределов волости“.

Здесь, конечно, сказывается полнейшее непонимание основных положений, прав и обязанностей.

Но не только деятельность по опротестованию, но и работа и нагрузка в других областях надзора усиливается не менее заметно. Вот, например, сравнительные данные о движении жалоб, подавляющее большинство которых, разумеется, поступает в прокуратуру от крестьянства:

За 1-ое полугодие 1924 г.—122.054

» 2-ое » 1924 г.—122.738 (цифры даны лишь по 41 губернии).

Всего за 1924 год—234.122.

Между тем, за предшествующий период существования прокуратуры (август-сентябрь 1922 года по 1 января 1924 года) жалоб поступило на 41.333, т. е. на 21,4% меньше.

Еще более рельефен рост числа жалоб в 1925 году:

ГУБЕРНИИ.	Поступило жалоб за 1 четверть 1924 г.	Поступило жалоб за 1 четверть 1925 г.
Вологодская	180	319
Рязанская	607 (в том числе на низов. органы 306).	930 (в том числе на низов. органы 431).
Донской округ	480	981
Воронежская	398	748
Ленинградская	511	712
Пензенская	702	974

При этом необходимо заметить, что приведенные цифры касаются лишь письменных жалоб и ими не учтены многочисленные словесные обращения в прокуратуру, стремящуюся всемерно облегчить доступ для трудящихся и организовавшую для этой цели специальные дежурства для приема жалоб в нерабочее время, базарные дни, в домах крестьянина, на предприятиях и т. п.

Указанный рост поступающих жалоб обусловлен не тем, что растет число нарушений революционной законности. Причина его — усиление активности населения и укрепление связи с ним прокуратуры.

Небезынтересны данные (правда, суммарные) о распределении отличающихся вообще громадным разнообразием жалоб по отдельным категориям:

Период времени.	Число жалоб на действия адм. орг.	На орг. дозн. и следств.	От заключ. жалоб и заявлений.	В пор. ст. 91 УК.	Всего.	Оставлено без последств.
Все за 1924 год	41.946	28.162	88.786	75.228	234.122	10,3%
	17,9%	12%	37,9%	32,2%	—	—
Со времени орган. зации прокуратуры до 1/1—24 г.	17.746	29.214	75.423	70.405	192.788	9,6%
	9,2%	15,2%	39,1%	36,5%	—	—

Таким образом, помимо указанного выше общего повышения числа жалоб, наблюдается повышение процента жалоб на действия административных органов с 9,2% до 17,9% (почти вдвое). Далее процент жалоб на действия органов следствия и дознания за 1924 г. снизился с 15,2% до 12%, что, с некоторой вероятностью, может быть отнесено за счет улучшения работы указанных органов. Процент жалоб и заявлений от заключенных снизился с 39,1% до 37,9%.

Особо можно отметить жалобы по сельхозналогу, поступающие как в прокуратуру, так и в разные органы. Здесь также в большинстве губерний наблюдается рост числа жалоб, как это

видно, например, из следующих данных (знаменателем показано число удовлетворенных):

ГУБЕРНИИ.	За январь—март 1924 г.	За январь—март 1925 г.
Ив.-Вознесенск. . . .	15.324/9.959	28.429/23.201
Рязанская	57.702/48.937	97.429/84.442 (кроме Касп. морск. и Рязанского уезд.)
Тамбовская	106.999/75.267	144.813/119.730
Вотская обл.	5.256	16.306
Сибирь	32,9%	33,8%

Хотя сообщения и доклады ревизий отмечают изменившийся характер жалоб по сельхозналогу (в кампаниях 1924—25 г. реже жалобы на злоупотребления финорганов и большинство сводится к ходатайствам о предоставлении тех или иных льгот), все же рост жалоб по сельскохозяйственному налогу показывает и значительные все еще перебои в работе по взиманию его и в некоторых случаях (напр., Вотская область) обусловлен отнесением той или иной губернии или области по исчислению сельхозналога к высокому разряду.

За 1924 г. значительно окрепла связь прокуратуры с печатью в смысле как расследования появляющихся в печати разоблачений и борьбы с направленными против рабселькоров преступлениями, так и освещения на страницах печати вопросов, непосредственно связанных с деятельностью прокуратуры. 1925 год характеризуется опять-таки увеличением из общего числа замечок печати, обративших на себя внимание прокуратуры, тех из них, которые касаются низовых органов власти:

Губернии.	Перв. четв. 24 г.	Перв. четв. 25 г.
Гомельская	18	68/17
Ив.-Вознесенск. . . .	5/1	29/15
Рязанская	108/61	189/98
Калужская	46/31	67/63
Ленинградская	56/24	129/71
Ульяновская	274/113	571/303

Знаменателем в приведенной на выдержку таблице показаны замечки, касавшиеся деятельности низовых органов власти, замечки, по которым прокуратура возбуждала расследование. Сопоставление знаменателей приведенных двух рядов цифр говорит само за себя.

Одним из достижений прокуратуры в борьбе с хозяйственными и должностными преступлениями является установление увязки работы прокуратуры с работой Угрозьска, ГПУ, РКИ.

В текущем году Центральная Прокуратура стремится увязку придать календарно-плановый характер путем последовательного сосредоточения на каждый календарный период надзора на определенных узлах управленческого и хозяйственного аппарата мест.

Усиление выявления должностных преступлений видно, например, из следующих цифр (зна-

менателем показано число вынесенных судами обвинительных приговоров):

Губернии.	Январь—март 24 г.	Январь—март 25 г.
Орловская	295	328
Ив.-Вознесенская	73	119
Смоленская	137/29	99/46
Рязанская	239	351
Калужская	157/52	231/59
Ростовская	382	267
Тамбовская	118/18	373/28
Тверская	371/102	503/71
Ленинградская	1443/80% губсуда	1242/82%

Рамки настоящей статьи не позволяют остановиться на итогах работы поднадзорных прокуратуре органов следствия и дознания (а стало-быть, и работе самой прокуратуры по руководству ими)¹⁾. Но что работа эта, в общем и целом, шла в сторону усиления борьбы с преступностью, стоит вне всякого сомнения.

По всем губерниям и автономным областям РСФСР со времени организации прокуратуры по 1-е января 1924 г. поступило законченных дознаний 503.155; за 24 г. (по 43 губерниям за 1-е полугодие и 41 губерний за 2-е) поступило 788.394.

Таким образом, за 1924 год число законченных дознаний превысило, по крайней мере, на 56.6% числа их за весь предшествующий период существования прокуратуры.

Что касается следственных органов, то за 1924 год законченных с обвинительными заключениями следственных дел в прокуратуру поступило больше, чем за предшествующий период (с 114.045 до 131.36) на 17.333 или на 15,2%.

Не менее характерны данные о направлении дел в суд:

а) уголовных:

	В пор. ст. 96, п. 2	В пор. ст. 228.	В пор. ст. 223.	1 п. 229	2 ч. 229.
1923 г.	10.144	9.272	44.910	41.646	6.146
1924 г.	21.781	18.933	150.010	83.396	9.247

¹⁾ Подробные данные и диаграммы о работе прокуратуры приводятся в годовом ее отчете, выходящем отдельной книгой.

б) гражданских:

	В пор. ст. 2 ГПК.	В пор. ст. 12 ГПК.	Всего выступлений.	Количество и.и. нес. инных протестов.	Количество заключений в пор. 244 ст. ГПК.	Возбужд. по дел. в по. 252 ст. ГПК.	Направлено дел. в порядке надзора.
1923 г.	454	296	1.230	434	1.994	148	1.616
1924 г.	2.692	1.380	4.934	1.012	6.425	547	7.720

Или берем числа выступлений прокуратуры на собраниях и в органах печати:

	На собраниях:	В органах печати:
1923 г.	3.632	743
1924 г.	7.510	1.783

Приведенные цифры, как они ни беглы и отрывочны, дают все же достаточно яркое доказательство жизнениности института советской прокуратуры, ее растущего значения и прогрессирующей нагрузки.

Что работа прокуратуры не проходит безрезультатно, свидетельствуют резолюции ряда губкомов и вообще сообщения с мест.

По целому ряду признаков можно с уверенностью сказать, что революционная законность крепнет не только в городе, но и в селе; крепнет, конечно, не только благодаря работе прокуратуры, но, во всяком случае, при ее самом активном содействии.

Разумеется, из сказанного отнюдь не следует, что все уже обстоит благополучно по части революционной законности.

Каждый день приносит нам очевидные подтверждения необходимости дальнейшего усиления борьбы с нарушениями революционной законности, еще, к сожалению, весьма и весьма живучими и многочисленными как в городе, так, в особенности, в селе.

Известно, что и органам, ведущим непосредственную борьбу с преступностью и нарушениями революционной законности, в частности, прокуратура, приходится работать еще в очень тяжелых условиях. Как по части „людей“, так и „денег“. Немало еще и перебоев в работе этих органов.

Мощная поддержка партийных органов является одной из самых существенных предпосылок дальнейшего развертывания работы советской прокуратуры по укреплению революционной законности. Авторитетный голос партконференции будет способствовать окончательному устранению и тех уже сравнительно редких трений, которые кое-где наблюдались на местах именно на почве недооценки значения революционной законности.

Н. Лаговнер.

Народные суды и прокуратура.

Настоящей статьей ставится задача: осветить роль и значение прокуратуры по укреплению и усилению деятельности народных судов, которым чаще и в значительно больших размерах, чем другим органам юстиции, приходится повседневно знакомиться, рассматривать и, главное, разрешать самые разнообразные вопросы, сильно затрагивающие интересы и нужды преимущественно трудящихся масс.

За последние два года работа судов значительно усложнилась, введен в жизнь ряд кодексов, издано много отдельных законодательных актов, затрагивающих самые разнообразные вопросы и требующих часто своего применения в судах; наконец, последней сессией ВЦИК а расширена подсудность нарсудов по делам гражданским и уголовным (ранее подсудным губсудам).

Всю эту массу материала не так-то легко переварить не только крестьянину от сохи или рабочему от станка, но даже и работнику, уже искушенному в тонкостях юриспруденции.

И для того, чтобы облегчить работу нарсудей, чтобы дать им возможность с наименьшими ошибками отправлять дело правосудия, а значит, с наибольшей силой и убедительностью проводить твердые начала революционной законности, „надо— по правильному замечанию тов. Бранденбургского (см. его статью „Еж Сов Юст.“ № 1—25 г.)— „работать над народным судом как в смысле правильного инструктирования, так и в смысле непростанных забот об его материальном положении“. Разумеется, основная работа по инструктированию нарсудов лежит на гу судах; у них имеется для этого свой аппарат, свои проверенные на опыте методы инструктирования и т. д. Посильная помощь прокуратуры в этом отношении должна выражаться, прежде всего, в широкой постановке и усиленной участии лиц прокурорского надзора в судебных и распорядительных заседаниях нарсудов.

Обслуживание их в таком порядке мы считаем наиболее полезным, ибо, само-собой понятно, лучше предупредить ошибку, чем в дальнейшем ее (и другие аналогичные ей) исправлять путем кассационных протестов, протестов в порядке надзора и т. д. и т. п.

К сожалению, к указанному методу улучшения деятельности нарсудов прокуратура до сего времени прибегала весьма редко. Во всей массе работы местных прокуроров народный суд отодвигался на второй план. Мы не склонны, конечно, в этом винить исключительно губпрокуроров и их уездных помощников. Мы с чистой совестью можем и должны сказать, что местные работники прокурорского надзора работают с большой нагрузкой, что их рабочий день не укладывается не только в 6, но в 8, 10 и больше часов. В этом нас убеждает непосредственное знакомство на местах с поистине неисчерпаемым объемом возложенных на прокуратуру обязанностей; и недаром ныне поставлен вопрос о необходимости в ряде уездов вместо одного полагающегося по штату помгубпрокурора иметь двух помощников.

Однако, все это, несомненно, важные обстоятельства никому из работников прокурорского

надзора не дают права совсем выпускать из своего внимания нарсуды и рассматривать их, как орган, до которого прокурору нет никакого дела.

Нарсуд не может и не должен быть в глазах прокурора пасынком. Нарсуду должно быть уделено достаточно забот и внимания.

И если нам возражат, что для этого нехватает времени, мы ответим, что это нам известно; но нам известно также и то, что многие прокуратуры до сего времени ведут свою работу без заранее выработанного плана; мы знаем и то, что в некоторых областях своей деятельности прокурорский надзор тратит свои силы, если не впустую, то, во всяком случае, за счет и в ущерб другой более важной работе.

Доказательством этого может служить следующее: в одной из губерний участие лиц прокурорского надзора в судебных заседаниях угол.-суд. отделения губсуда составляет 50% общего числа рассматриваемых там дел. В той же губернии в 1-ой половине 24 г. прокуратура давала заключения по всем без исключения делам, находившимся в производстве гр.-касс. отделения губсуда.

Разумеется, очень хорошо, что прокуратура проявляет такое усердие по обслуживанию губсуда; но не совсем уж хорошо, коль скоро на ряду с этим не было почти ни одного участия прокурора в судебных (не говоря уже о распорядительных) заседаниях нарсуда. И не лучше бы разве было, если вместо того, чтобы провести несколько часов в судебных заседаниях губсуда, где рассматривались несложные, ясные и не требующие участия защиты и обвинения дела, прокурор потратил бы это время на участие в судебном заседании нарсуда, где слушалось какое-нибудь дело, имеющее общественное значение или затрагивающее интересы трудящихся? Не правильнее и не целесообразнее ли было бы, вместо того, чтобы давать заключение в гр.-касс. отд. по делу, где сторонами выступали, скажем к примеру, торговцы, выступить в нарсуде в порядке ст. 2 ГПК по делу, где сталкивались интересы батрака или рабочего с интересами кулака или хозяйчика?

Ответ ясен; выводы напрашиваются сами собою, нужно лишь воплотить их в реальную действительность.

Итак, обслуживание прокуратурой нарсудов необходимо, в известных пределах оно возможно. Следует только за эту работу умело приняться и выработать предварительно план и методы ведения ее. Это, нам кажется, наиболее уязвимый момент в указанной отрасли работы прокурорского надзора, особенно, поскольку речь идет об уездных помощниках прокурора и нарсудах, находящихся в волостях. Последних в уезде несколько, а прокурор один.

Мы, разумеется, не возьмем на себя смелости высказать в настоящей статье какое-либо строго определенное, оформленное и не подлежащее серьезной проверке на опыте мнение.

Мы ставим себе более скромную задачу: выдвинуть некоторые предложения в форме общей схемы, чернового наброска, дать лишь примерную канву, ибо эту работу можно вести лишь при

наличии самого строгого, внимательного учета разнообразных местных условий (расстояния, связи с волостями, степени подготовленности отдельных нарсудей и т. д.).

Но, как схема, работа прокуратуры по обслуживанию нарсудов нами мыслится так.

Уездный прокурор наметил определенный день выезда своего в волость (это теперь он обязан делать). Предварительно он договаривается с соответствующим судьей, чтобы последний в этот день назначил к слушанию несколько гражданских и уголовных дел, имеющих, по мнению судьи, общественное значение или затрагивающих интересы наиболее слабых в экономическом и общественном отношении представителей крестьянского населения (напр., иски об алиментах, об отцовстве, о кабальных сделках; обвинения об избиении мужьями своих жен; хулиганство и т. д.). По этим делам прокурор выступает в качестве стороны (ст. 2 ГПК) или обвинителя. В тот же или следующий день судья назначает с участием прокурора распорядительное заседание, на рассмотрение которого вносится ограниченное количество наиболее сложных вопросов (дел), в правильном разрешении коих судья испытывает какие-либо затруднения. Попутно с этим мы считаем уместным остановиться на вопросе об участии прокурорского надзора в распорядительных заседаниях нарсудов.

Когда в процессе ревизии местных прокуратур спрашиваешь какого-нибудь товарища о пределах обслуживания им указанных заседаний, нередко лицо его отражает недоумение, а в выражении глаз чувствуется вопрос, не обмолвился ли ревизор, когда спрашивает об участии и роли прокуратуры в распорядительных заседаниях нарсудов.

И если многие товарищи еще и до сего времени недостаточно твердо уверовали в необходимость участия (конечно, в возможных размерах) прокуратуры в распорядительных заседаниях нарсудов, то я позволю себе сослаться на один случай, бывший в одном из портовых городов. Там на рассмотрение нарсуда поступило из органа дознания дело, имевшее весьма важное значение; правильная квалификация приписанного обвиняемому деяния имела важное значение не столько с точки зрения верного применения норм УК, а по другим более серьезным основаниям. Вместе с тем квалификация преступления, данная органом дознания, была из рук вон плоха. Заключение, данное в распорядительном заседании по указанному делу представителем прокуратуры, помогло делу получить надлежащее направление.

Можно было бы привести и другие аналогичные примеры, но мы не хотим загромождать настоящую статью излишним материалом, считая, что местные работники едва ли будут опровергать наши соображения о необходимости увязать работу прокуратуры с деятельностью нарсудов во всем ее объеме.

Помимо изложенного, содействие улучшению деятельности нарсудов должно осуществляться, по нашему мнению, путем подробного планового и систематического учета допускаемых ими ошибок, упущений и т. п. через уг.-касс. (и частично гр.-касс.) отделения губсудов. В первом из этих отделений во многих губерниях прокурорский надзор принимает весьма активное участие и дает заключения почти по всем рассматриваемым там делам; и если соответствующий прокурор все отмечаемые им промахи нарсудов будет вносить в записную книжку-тетрадь, он в течение некоторого времени накопит материал, который, мы полагаем, с большой пользой для дела сможет быть использован пленумами губсудов при выработке мероприятий, связанных с деятельностью нарсудов. Помимо этого, прокуратура, не лишена, разумеется, возможности прибегать в отдельных случаях и к другим способам учета дефектов работы нарсудов и выпрямлении их линии. Ознакомление с некоторыми делами путем истребования их в порядке надзора (а лучше всего в камере судьи — будет меньше переписка, волокиты, почтовых расходов и т. д., а главное, экономия времени: находясь в камере судьи в течение двух-трех часов, можно ознакомиться не с одним делом).

Разумеется, означенная проверка дел на месте ни в коем случае не может и не должна носить характера ревизии нарсудов.

Указанным способом легко можно осуществлять также и наблюдение за правильностью выносимых судами приговоров.

Оказание содействия нарсудьям может вылиться, наконец, в форму консультации (товарищеских бесед) по наиболее сложным и интересующим их вопросам. Прокурор, находясь в волости, сможет при желании урвать для этого час-другой.

Вот примерный перечень, схема тех путей, при посредстве которых может быть достигнута увязка деятельности нарсудов и прокуратуры.

Естественно, этот перечень, как указано выше, не является исчерпывающим. Мы не сомневаемся, что местные работники прокуратуры, стоящие близко к нарсудам, знающие их нужды и слабые стороны, изыщут и другие пути и средства, чтобы ближе связаться с ними; несомненно, также и то, что наши предложения будут углублены.

Б. Брискин.

Уголовная охрана технического творчества.

Статья 23 декрета о патентах на изобретения постановляет: „Нарушение прав изобретателей, а также прав патентообладателей карается в уголовном порядке“. В Уголовном Кодексе мы находим ст. 198, карающую „самовольное пользование в корыстных целях чужим изобретением или привилегией, зарегистрированным в установленном порядке“. Уголовный Кодекс не устанавливает сферы прав патентообладателя и формы преступного вторжения в нее со стороны третьих лиц, предполагая это установленным в декрете о патентах, постановления коего обязательны и для суда уголовного.

Всякое творчество, в том числе и техническое, воздает для автора двойного рода интересы. С одной стороны, интересы чисто материальные, имущественные, требующие обеспечения их путем признания за автором исключительного права экономического использования объекта творчества в течение определенного времени. С другой стороны, глубоко интимный факт проявления творческой личности автора во-вне создает между ним и его творением определенную связь; продукт творчества носит на себе печать индивидуальности своего автора и для последнего существенно, чтобы и этот его немущественный интерес был охраняем законом. В правовом разрезе личные права автора технического изобретения выражаются, во-первых, в том, что право именоваться автором данного изобретения принадлежит автору и только ему; во-вторых, право распоряжаться произведением до выпуска его в свет принадлежит только автору, ибо лишь он один может установить момент, когда объект творчества настолько закончен, чтобы его можно было опубликовать во всеобщее сведение.

В декрете о патентах мы находим охрану как имущественных прав патентообладателя, так и личных прав автора. В отношении имущественных прав декрет постановляет, что „патентообладатель имеет исключительное право осуществлять в виде промысла принадлежащее ему изобретение в пределах Союза ССР, а именно, изготовлять, продавать, вводить в оборот или вообще употреблять предмет изобретения в промышленных целях“ (ст. 9). Право это отчуждаемо: патентообладатель может отчуждать патент в полном объеме или с ограничением его действия; он может выдавать на основании своего патента лицензию на использование изобретения в определенном отношении (ст. 10). Ограждает декрет о патентах и личные права автора изобретения. Первичное право на патент, как общее правило (за исключением так-называемых „заводских изобретений“, когда автор не известен), принадлежит действительному изобретателю (ст. 3). Имя автора должно быть помечено в патенте и публикациях Комитета по делам изобретения; право это сохраняется за изобретателем, служащим в чужом предприятии, даже в тех случаях, когда, по постановлению декрета, право на патент переходит к предприятию (ст. 6). Право именоваться автором может быть восстановлено путем иска: если патент был

выдан на имя правопреемника без указания имени действительного изобретателя, то последний сохраняет право в течение трех лет со дня выдачи патента требовать опубликования Комитетом по делам изобретений его имени, как действительного изобретателя (ст. 7). Кроме того, право опубликовать изобретение, т.-е. установление момента появления изобретения в свет путем заявки его в Комитет по делам изобретений, может быть учинено лишь изобретателем; заявление о выдаче патента должно заключать в себе утверждение, что заявитель является действительным изобретателем (ст. 3).

С точки зрения уголовно-правовой политики, на ряду с имущественными правами изобретателя, должны быть охраняемы и его личные права. В этом случае правоохраняемым благом является неразрывная связь между творцом и его творением, подлежащая ограждению от посягательства третьих лиц, стремящихся присвоить себе авторскую славу, не им принадлежащую, и лишить таковой изобретателя или, вопреки воле последнего, выпустить в свет предмет его творчества. Нужно отметить, что за этим моментом охраны личных прав скрывается и весьма реальный имущественный интерес автора. Поэтому с точки зрения карательной политики санкция при нарушении личных прав должна быть более строгая, чем при нарушении чисто имущественных прав патентообладателя, так как в данном случае имеется совокупность нарушений как прав личных, так и имущественных.

В отношении нарушения личных прав изобретателя вырисовываются следующие деликты.

Первый—подлог в авторстве, выдача за свое заведомо чужое изобретение (см. проф. С. В. Познышев—Основные начала науки угол. права, изд. 1923 г., стр. 73).

В виду того, что авторство в отношении изобретений устанавливается обычно помещением имени автора в патентной грамоте и публикациях Комитета по делам изобретения, то данный деликт совершается чаще всего путем заявки в Комитет по делам изобретений чужого изобретения от своего имени. Здесь возникает вопрос, может ли быть отчуждаемо право на авторство, т.-е. может ли изобретатель передать свое право именоваться автором другому лицу или предприятию. Чаще всего отчуждение авторства встречается в так-называемых „заводских изобретениях“, так как для предприятия, сплошь и рядом, бывает важным выдавать изобретение, учиненное служащим или рабочим, за возникшее в процессе производства и не могущее поэтому быть приписанным определенным лицам, как автором такового. Промышленная репутация предприятия, в смысле организационной постановки производства и его улучшения, от этого значительно повышается. По существу, право именоваться автором должно быть признано неотчуждаемым, ибо в интересах общества лежит знание имени действительного автора, как лица, ближе всех стоящего к изобретению, а потому более

других способного в совершенстве его осуществить. Однако, в случае добровольной уступки авторства представляется затруднительным привлечь контрагента за нарушение личных прав автора, от коих сам автор отказывается. Момент общественный ограждается в данном случае тем, что при заявке изобретения Комитетом по делам изобретений отбирается подписка об авторстве с предупреждением об ответственности по ст. 226-б Уголовного Кодекса.

Вторым деликтом против авторских прав изобретателя является опубликование изобретения вопреки воли автора. Это опубликование может быть учинено путем описания изобретения в печати или путем открытого его применения; при этом виновный может скрыть имя автора или даже указывать имя действительного изобретателя. Открытое применение, т. е. воспроизведение изобретения до его заявки, должно быть строго отграничено от воспроизведения уже заявленного изобретения. В то время, как последнее является деликтом против имущественных прав заявителя, воспроизведение незаявленного изобретения является в своей основе деликтом против личных прав автора, аналогично опубликованию изобретения в прессе, при котором воспроизведение изобретения в натуре и не имеет места. Данный деликт в отношении нарушения прав изобретателя влечет за собой особо серьезные последствия, не имеющие аналогий в других отраслях авторского права, как литературного, художественного, музыкального и т. п.: при опубликовании кем-либо чужого незаявленного изобретения автору патент уже не может быть выдан, ибо опубликование или открытое применение изобретения нарушает его новизну, независимо от того, кем учинено опубликование, автором или третьим лицом, и от правомерности этого действия (ст. 2 декрета о патентах). В данном случае автор лишается как имущественных выгод от эксплуатации изобретения, так и возможности устанавливать свое авторство путем соответствующих публикаций Комитета по делам изобретений. Иногда опубликование чужого изобретения может быть учинено совокупно с подлогом в авторстве, т. е. при выдаче самовольно опубликованного чужого изобретения за свое.

В отношении нарушения личных прав изобретателя действия виновного не всегда направлены на извлечение выгод. Сплошь и рядом его толкает на путь нарушения чужого авторского права стремление к славе, к известности, желание занять почетное место в мире изобретателей. Опубликование чужого изобретения вопреки воле автора иногда вызывается желанием отомстить автору за какие-нибудь личные счеты, а иногда желанием угодить третьему лицу. Корыстность цели не может поэтому являться обуславливающей наказуемость отмеченных действий.

Имущественный интерес автора лежит в исключительном праве экономической эксплуатации изобретения. Последнее заключает в себе изготовление патентованных предметов, распространение таковых, т. е. введение их в оборот, и употребление их. Отметим здесь, что вторжение в сферу исключительных прав изобретателя, являющаяся

по своей сущности промышленной, должно быть направлено на цель, выходящую за пределы частной жизни нарушителя. Разграничение сферы частной со сферой промышленной лежит в плоскости соприкосновения с неопределенным количеством посторонних лиц. Поэтому, поскольку кто-либо пользуется в той или иной форме патентованным предметом исключительно для своих личных нужд и надобностей, постольку на его стороне нет деликта. Всякий же выход из данной плоскости знаменует собою деликт независимо от того, употребляется патентованный предмет, как промысел, или только в целях промышленных, даже в самой отдаленной степени. Купец или ресторатор, освещающий лавку или ресторан контрафактными горелками, сам совершает контрафакцию, несмотря на то, что промысел его заключается вовсе не в освещении помещений. Момент извлечения выгоды не является существенным для деликта. Так, под действие уголовной нормы должно подпасть учреждение местного или благотворительного характера, пользующееся самовольно патентованными предметами для нужд своих клиентов, хотя они никакой прибыли и не извлекают.

Патентодержатель может путем заключения соответственного договора уступить свои права частично (лицензия) или полностью (отчуждение) третьим лицам. Объем прав, предоставленных лицензиату, определяется договором; всякий переход границы предоставленного объема прав является уголовным деянием; аналогично авторскому праву и патентное право знает наказание за нарушение чисто договорных отношений. Возникает вопрос об уголовной границе лицензионного договора, т. е. какие нарушения влекут за собой уголовную санкцию и какие являются исключительно видами гражданской неправды. Объектом рассматриваемого нами деликта является сфера исключительных прав патентодержателя. Поскольку автор уступает часть этих прав третьему лицу, постольку он выделяет из сферы своих прав определенный объем таковых, дозволенный этому третьему лицу. Третье лицо вправе распоряжаться объемом уступленных прав, но выходить из этого объема в каком бы то ни было отношении (по месту, времени, содержанию) ему не разрешено, ибо тогда он вторгается, подобно всякому контрафактору, в исключительную область прав патентодержателя. Поскольку же лицензиат нарушает договор в отношении не объема предоставленных ему прав, а возложенных на него обязанностей, напр., платежей и пр., постольку он уголовной нормы не нарушает, а совершает лишь гражданское нарушение договора.

Момент, с которого охраняются имущественные права изобретателя, определяется первой частью ст. 17 декрета о патентах на изобретения. „Патент выдается сроком на 15 лет со дня опубликования (ст. 40), при чем действие его распространяется также на период времени со дня выдачи заявочного свидетельства до дня опубликования патента“. Таким образом, обвинение в нарушении прав патентообладателя может быть возбуждено лишь после соответствующей публикации Комитета по делам изобретений о выдаче патента. Право же на уголовную охрану творчества возникает значи-

тельно раньше, а именно со дня выдачи заявочного свидетельства. Следовательно, заявочное свидетельство с момента выдачи ограждает права держателя, поскольку на означенное в нем изобретение будет впоследствии выдан патент. Невыдача патента делает ненаказуемыми все нарушения прав держателя заявочного свидетельства третьими лицами, равно как и ненаказуемыми делаются все нарушения прав патентообладателя в случае признания судом недействительным уже выданного патента вследствие непатентоспособности изобретения (ст. 21 декрета о патентах). При прекращении же действия патента (ст. 20 декрета) все действия, совершенные против патентодержателя до момента прекращения получения являются наказуемыми. С момента заявочного свидетельства изобретатель может предупреждать лиц, нарушающих его права, о том, что они будут подлежать за свои действия уголовной ответственности в случае выдачи патента на изобретение. Изобретатель может прибегнуть также к обеспечению доказательств, согласно ст. 123—127 Гр. Пр. Кодекса.

Ст. 198 У. К. соответствовала изданному в период военного коммунизма положению об изобретениях 1919 года, которое предоставляло изобретения в распоряжение РСФСР, при чем „после опубликования об объявлении их достоянием РСФСР они поступают в общее пользование всех граждан и учреждений на особых условиях, в каждом отдельном случае оговоренных“ (ст. 2). За автором, согласно положения об изобретениях 1919 г., со-

хранилось лишь право на соответствующее вознаграждение, а потому естественно, что Угол. Кодекс считает наказуемым лишь корыстное нарушение прав изобретателя или патентообладателя. С изданием же декрета об изобретениях 1924 г. означенная статья совершенно не соответствует правам изобретателя и патентодержателя, которые декрет ставит под охрану уголовных норм: обусловливание наказуемости корыстностью цели сузивает сферу прав патентодержателя, установленную статьей 9 декрета о патентах, и делает сплошь и рядом иллюзорной исключительность прав, установленную законом. Кроме того, статья 198 совершенно игнорирует нарушение личных прав изобретателя, весьма существенных в системе советской охраны интересов автора технического изобретения.

Новая редакция 198 ст. Уг. Код. должна, по нашему мнению, состоять из двух частей. Первая часть должна предусмотреть нарушение прав изобретателя или патентодержателя путем самовольного пользования чужим изобретением или патентом, зарегистрированным в установленном порядке. Во второй же части должна быть установлена более повышенная мера социальной защиты за нарушение прав изобретателя путем выдачи при заявке или в печати заведомо чужого изобретения за свое, равно как и самовольным опубликованием в печати или открытым применением чужого незаявленного изобретения.

Проф. И. Хейфец.

Нужно ли пополнять ст. 182 Уг. Код.?

Затронутый автором статьи „О пробелах 182 ст. Уголовного Кодекса“ (см. „Ежен. Сов. Юст.“ № 2) вопрос о необходимости пополнения 182 статьи Уголовного Кодекса, несомненно, заслуживает внимания.

Казалось бы, что за грабеж без насилия, если он совершен рецидивистом или по предварительному уговору с другими лицами, нет оснований налагать менее тяжкое наказание, чем за простую кражу, совершенную при указанных условиях (п. 6 ст. 180 Уг. Код.), и высказанные в этом направлении соображения автора статьи совершенно справедливы.

Однако, следует заметить, что в жизни грабеж без насилия наблюдается обычно при совершении мелких похищений на базарах и площадях с прилавков у торговцев, с возов и т. п. на глазах у потерпевшего и характеризуется особой дерзостью, направленной к унижению быстро и ловко завладеть вещью и рассчитанной на возможность убежать, скрыться в толпе, передать похищенное соучастникам и т. п.

Трудно представить себе грабеж без насилия при иной, более сложной обстановке, например, в доме потерпевшего; в этом случае взлом в присутствии потерпевшего или иные меры, которые принимаются похитителем на глазах у потерпевшего к завладению имуществом или к удержанию похищенного и лишают в то же время потерпевшего возможности оказать сопротивление, в

особенности, если похититель имел при себе орудия взлома, несомненно, носит все признаки насилия, исключающие возможность применения 182 ст. Уг. Код.

Поэтому, если и следует исполнить 182 ст. Уг. Код. признаками, указанными в п. 6 ст. 180, то лишь теми из них, которые сами по себе не будут создавать обстановки насилия при непосредственном столкновении с потерпевшим (взлом в присутствии потерпевшего, наличие орудий, угрожающих опасностью для жизни), т. к. всякое насилие при открытом похищении предусматривается 183 и 184 ст. Уг. Код.

Тот случай нападения на кожевенный завод, о котором говорит автор статьи, совершенно не подходит под понятие грабежа без насилия.

Нельзя забывать, что под насилием понимается не только физическое, но и психическое воздействие на личность потерпевшего, при чем степень тяжести того или иного вида насилия зависит от обстоятельств, которыми насилие сопровождалось. Например, угроза револьвером в одном случае и связывание рук, не сопровождавшееся никакими угрозами, в другом, — два особые вида психического и физического насилия, из которых первый, как угрожающий опасностью для жизни, несомненно, сильнее второго. При этом для наличия насилия вовсе не требуется, как это видимо предполагает автор статьи, непосредственного столкновения потерпевшего с нападающим. Достаточно, если по-

терпевший будет поставлен нападающим в такие условия, при которых он не может оказать сопротивления, будучи, например, изолирован в другой комнате и лишен возможности вследствие сделанных угроз выйти из этого помещения.

Поэтому описанный автором статьи случай нападения на кожевенный завод, выразившийся в том, что похитители, проникнув посредством взлома окна в завод, угрозами препятствовали сторожу завода выйти из того помещения, в котором он находился,

и вследствие этого лишили его возможности оказать похитителям сопротивление, носит все признаки открытого похищения с насилием, при чем в зависимости от того, были ли эти угрозы такого рода, при которых сторож должен был или не должен был считать свою жизнь в опасности, зависит применение 183 или 184 ст. Уг. Код. Во всяком случае, такого рода нападение под действием 182 ст. Уг. Код. не подходит.

Эр—ли.

Юридическая природа гарантийного договора.

Постановлением СНК СССР от 16 декабря 1924 г. в круг операций Госстраха по добровольному государственному страхованию включено гарантийное страхование, — совершенно новый для нас вид страхования, не имеющий никаких precedентов в практике бывших русских акционерных страховых о-в и не входивший в круг их операций. Ст. 2 пост. дает следующее определение договора гар. страхования: „по договору гар. страхования Госстрах обязывается возместить страхователю убытки в застрахованном имуществе, причиненные преступными или небрежными действиями и упущениями рабочих и служащих страхователя, непосредственно связанными с приемом, выдачей, хранением, охраной и транспортированием вверенного им застрахованного имущества“.

Для уяснения юридической природы договора гар. страхования необходимо вкратце коснуться тех форм, в которых осуществляется этот вид страхования за границу. Страхование так-наз. гражданской ответственности за границу производится в двух главных формах: а) страхование поручительное (залоговое), по которому страховщик принимает на себя возмещение прямых имущественных убытков, возникающих для застрахованного залогодержателя вследствие нарушения доверия, растраты, присвоения денег, ценных бумаг и товаров, произведенных страхователем (залогодателем) при исполнении служебных обязанностей, обозначенных в страховом договоре. Служащий-страхователь получает страховой полис и залоговое (поручительное) свидетельство и вручает их при поступлении на службу предприятию, которое получает права выгодоприобретателя и может в случае убытка по вине служащего-страхователя предъявить требование о возмещении убытка непосредственно страховщику без специально выраженного для каждого случая согласия служащего-залогодателя, который в свою очередь не может от собственного имени без согласия со стороны предпринимателя-залогодержателя располагать правами, вытекающими из страхового договора. Эта форма страхования ответственности получила особенно широкое распространение в Англии и Соед. Штатах, в Германии же, в виду законодательства, ограничивающего право учреждений требовать от служащих представление залога, перестало применяться; б) страхование ответственности в чистом виде, в котором страхователем является само предприятие, которое страхует ответственность или определенного

служащего, персонально означенного в полисе или всего коллектива служащих в предприятии; последняя разновидность—так-наз. „коллективное страхование“—наиболее распространена в Германии. И в той и в другой форме страхования ответственность страховщика ограничивается лишь убытками от уголовно-наказуемых деяний служащих, корыстного злоупотребления доверием, растраты и присвоения.

Таким образом, отличительная черта страхования гражданской ответственности заключается в том, что предметом его не является какое-либо определенное имущество, как при страховании огнем или транспортном, а ответственность служащего и ответственность страховщика, тесно связанная с ответственностью застрахованного служащего и отпадающая, если почему-либо служащий освобождается от ответственности, носит так-сказать характер дополнительный к ответственности служащего, но в то же время наступает независимо от предварительного обращения требования к служащему, являясь в этом смысле обязательством основным, а не вспомогательным. Вообще страхование ответственности имеет много общего и аналогичного с договором поручительства в той его структуре, которую ему дает наш Гражд. Кодекс (см. ст. 236 и др.).

Как общее правило, для страховщика, возместившего ущерб по гар. страхованию, возникает право регресса, а для страхователя обязанность передать все документы и данные, обосновывающие таковое; между тем, при имущественном страховании право регресса возникает далеко не всегда, скорее в виде исключения, так как в этих видах страхования страховой случай по преимуществу возникает от действия стихийных сил природы (пожар, авария) и лишь иногда от действий человека, разнуждывающих стихии (поджог), и ответственность страховщика возникает независимо от ответственности каких-либо третьих лиц. Отсюда с очевидностью вытекает, что страхование ответственности нельзя относить к имущественному страхованию, это одинаково ясно как в том случае, когда служащий сам страхует свою ответственность, так и в том, когда предприятие страхует таковую. Имущественный же интерес, присутствующий одинаково всем видам страхования, не может иметь значения определяющего момента.

В то же время гар. страхование, хотя и связанное с личностью служащего, нельзя отнести и к договорам личного страхования, так как цель его—

возмещение убытков при наступлении известного положительного условия, при личном же страховании обязательство страховщика уплатить определенную страховую сумму возникает вне связи с каким-либо ущербом и носит срочный характер, т.-е. определяется календарной датой или событием не условного характера, а таким, которое должно неизбежно наступить (смерть).

Гарантийное страхование—совершенно своеобразная разновидность страхового договора—это страхование *sui generis*.

Как видно из ст. 2 декрета от 16 декабря, целиком воспроизведенной в § 1 правил гар. страхования, утвержденных НКФ 5 февраля с. г., введенное гар. страхование имеет целью возмещение убытков от действий служащих во вверенном им застрахованном имуществе, другими словами, ему придан характер имущественного страхования.

В таком смысле и изясняет юридическую природу вновь вводимого вида страхования один из составителей правил гар. страхования П. Домбровский в своей статье „Основные черты гарантийного страхования“ („Вестник гос. страхования“ № 3 1925 г.); по его мнению, предметом страхования является не ответственность служащего, а непосредственно имущество, как таковое, растраты же, кражи и другие действия служащих, причиняющие убыток, он рассматривает, как страховой случай в смысле ст. 367 Гр. Кодекса, как своего рода „стихию“, наносящую урон хозяйству подобно пожару, подобно авариям при транспортном страховании. Такую точку зрения нельзя признать в целом правильной: правилами гар. страхования ему приданы лишь чисто внешние черты имущественного страхования, по существу своей оно все-таки должно быть рассматриваемо, как страхование ответственности. Если сопоставить § 1, п. 1, правил гар. стр. с § 2, п. а, то надлежит прийти к выводу, что Госстрах принимает на себя ответственность лишь за убытки от преступных или небрежных действий и упущений рабочих и служащих, в случае же вооруженного нападения на служащих, а равно во всех случаях отсутствия вины и неосторожности служащего убытки не возмещаются. Отсюда следует, что Госстрах возмещает убытки лишь от таких действий служащих, которые создают ответственность для них самих, при наличии же неопределимой силы и случая, исключаящего ответственность служащих, отпадает ответственность и Госстраха. В такой непосредственной связи и взаимной обусловленности ответственности страховщика с ответственностью третьих лиц и заключается отличительный признак страхования „ответственности“. Если гар. страхование было бы действительно имущественным страхованием, то Госстрах не ограничивал бы своей ответственности только теми убытками, за которые ответственны сами служащие, а отвечал бы и за непреодолимую силу и за случай, как, напр., при огневом страховании возмещаются убытки и за пожар от стихийных явлений, напр., от молнии и от действий человека (поджог).

Такое придание законодателем гар. страхованию внешних признаков имущественного страхования объясняется тем, что гар. страхование ставит себе с народно-хозяйственной точки зрения ту же цель, которую осуществляли в дореволю-

ционное время биржевые артели, а ныне осуществляют организованные по декрету от 21 ноября 1921 года т.-ва ответственного труда. Последние действительно, об-луживая торгово-промышленные предприятия по охране товаров и ценностей и исполнению отдельных поручений, принимали на себя страховую ответственность за убытки, причиненные действиями их членов вверенному им по договору с т.-вом (артелей) имуществу неограниченно в полной его стоимости. Так как в основе сравнительно успешной деятельности артелей лежала особая дисциплина и внутренняя спайка их членов, выработавшиеся в течение столетия на почве своеобразного быта артелей, то вполне рационально и естественно намерение законодателя использовать при конструировании гар. страхования те ценные и жизнеспособные элементы, которые заключала в себе артельная организация, и построить режим обслуживания гарантийными служащими застрахованного имущества на началах, близких к артельным. С этой целью и создан особый аппарат в виде регистрационно-аттестационного бюро, на которое возложены следующие задачи: тщательный отбор кандидатов на гарантийные должности, правильная их квалификация, распределение при посылке на работу и неослабный надзор, контроль и наблюдение не только за работою, но и образом жизни командированных служащих, так как практика артелей показала, что широкий образ жизни часто влечет за собою растрату и хищения, при этом рекомендуется максимальное использование наличного артельного персонала в предприятиях.

Таким образом, структура вновь вводимого гарантийного страхования основана на своеобразном сочетании начал германского „коллективного“ страхования ответственности с элементами артельной организации страховых операций. В соответствии с этим правила гар. страхования носят на себе отпечаток этой двойственности структуры гар. страхования, отражающейся на отдельных его моментах следующим образом:

1. По сравнению с заграничными акционерными страховыми обществами, ограничивающими свою ответственность лишь убытками от уголовно-наказуемых деяний служащих, растрат и корыстного злоупотребления доверием, ответственность Госстраха значительно шире и распространяется на убытки от „упущений“ служащих, как, напр., прочетов, утери и т. п., за исключением убытков от вооруженного нападения на служащего и случаев отсутствия его вины и неосторожности (§ 2, п. а), т.-е. убытков от воздействия непреодолимой силы и простого случая.

§ 2 содержит в себе изъятия из общего положения, устанавливаемого § 1, и перечисляет те убытки, которые не возмещаются Госстрахом, отдельные пункты этого § неясны по своей редакции и возбуждают различные вопросы и недоумения, но подробное обсуждение их слишком расширило бы рамки настоящей статьи.

2. Возмещаются убытки лишь при условии нахождения имущества в ведении аттестованных Р. А. Б. служащих, действующих на основании инструкций, составляющих одно целое с договором страхования, при чем необходимое для обслуживания количество служащих определяется при

заклучении страхования (§ 4 и 5). Уменьшение числа служащих и изменение в характере возложенных на них обязанностей может быть осуществлено страхователем лишь по соглашению с Госстрахом, которому предоставляется также право предлагать страхователю перемещать или отстранять служащих с заменой их другими, с угрозой в случае нарушения страхователем этих пунктов прекращения договора или, если произошел страховой случай, лишения права на вознаграждение (§ 23 и 24).

Применяются широко превентивные меры в виде периодических и внезапных ревизий и обследования и проверки имущества как страхователем, так и Госстрахом, с правом для последнего в случае обнаружения изменений в застрахованном имуществе или характере его обслуживания или прекратить страхование, или уменьшить страховую сумму (§ 25 и 26).

Такой принудительный режим обслуживания застрахованного имущества совершенно не применяется при германском „коллективном“ страховании ответственности.

3. Формальная увязка двух элементов гар. страхования имущества и служащего осуществляется при помощи описи имущества, вверенного служащему под его расписку (§ 22), и в соответствии с этим начало ответственности Госстраха определяется двумя моментами: 12 часами дня, следующего за отсылкою Госстраху 2-х экземпляров описей, и уплатою страховой премии, по германскому же страхованию ответственности договор вступает в силу с момента выкупа полиса, т.е. уплаты премии и гербового сбора.

4. Из имущественной конструкции гар. страхования вытекает и система тарификации премий, основанная на дифференциации ставок тарифа в зависимости от соотношения между страховой суммой и стоимостью имущества, так, напр., за страхование в 50 000 руб. при той же стоимости имущества взимается премия 500 руб., а за страхование в той же сумме при стоимости имущества в 200 000 руб. уже придется платить 700 руб. Такой системой тарификации объясняется правило п. 2 § 39: „если при установлении убытка действительная стоимость наличного застрахованного имущества окажется выше максимальной его стоимости, объявленной при заключении страхования, то из страхового вознаграждения удерживается сумма в размере двойной разницы между той премией, какая причиталась бы при той же страховой сумме, но по действительной стоимости имущества, определенной при установлении, и той премией, какая была исчислена при заключении страхования за весь срок застрахования“. Необходимо отметить, что Госстрах получает подобное право оштрафования страхователя независимо от вины или грубой небрежности последнего, если, напр., наличность имущества увеличилась к моменту убытка совершенно непредвиденно и страхователь не имел ни времени, ни возможности заявить о том Госстраху. Необходимо было бы смягчить это слишком суровое и обременительное для страхователя правило в том смысле, что с страхователя удерживается двойная разница в том случае, если он умышленно или по грубой небрежности не уведомил Госстраха об увеличении стои-

мости имущества в известный срок после того, как таковое последовало; если же страховой случай произошел до истечения этого срока, то удерживается разница в ординарном размере. В связи с этим находится и другое весьма обременительное для страхователя правило § 33 об обязательном представлении по поводу всякого страхового случая подробного и точного инвентаря наличности застрахованного имущества на день обнаружения страхового случая. Такое требование, вполне понятное и уместное в тех случаях, когда приходится выяснять размер длящихся и систематических растрат и хищений, совершенно излишне тогда, когда дело идет о похищении или присвоении какой-либо определенной суммы, ценности или партии товара, и установление размера убытка не представляет никаких затруднений без составления инвентаря. Выполнение такого требования, могущего крайне затруднить текущую работу предприятия, обязательно для страхователя только потому, что стоимость имущества на день обнаружения страхового случая определяет размер премии и при незначительности суммы убытка страхователю будет выгоднее вовсе не заявлять Госстраху о таковом, чтобы избежать обременительной процедуры составления инвентаря и не заплатить вдобавок штраф согласно п. 2 § 39, если действительная стоимость имущества окажется выше показанной при заключении страхования.

5. Определение размера страхового вознаграждения построено по принципу так-наз. „первого риска“, т.е. полной оплаты убытков в пределах страховой суммы (§ 39), а не по принципу соразмерности отношения страховой суммы к полному страховому интересу, как при огневом и транспортном страховании. Гражд. Кодекс (ст. 370) также устанавливает, как общее правило, возмещение убытков по соразмерности отношения страховой суммы к полному страховому интересу, а потому противное этому положение, вводимое § 39 прав. гар. страхования, утвержденных НКФ в порядке ст. 397 Гр. Код., надлежит рассматривать, как сепаратный закон.

6. § 27 прав. гар. страхования обязывает страхователя уведомлять Госстрах о всякого рода событиях в застрахованном имуществе, имевших последствием существенное изменение риска к худшему, с правом Госстраха отказать в возмещении убытков, если страховой случай произойдет до получения Госстрахом уведомления или до наступления страхового случая прекратить страхование или уменьшить страховую сумму. Это правило носит односторонний характер, не ограждая в одинаковой мере с Госстрахом справедливых интересов страхователя, и в него необходимо внести по образцу ст. 32 швейц. страх. зак. 1908 г. поправку в том смысле, что ухудшение риска для застрахованного имущества от происшедших изменений не влечет указанных в § 27 невыгодных последствий, если оно было известно Госстраху и без уведомления о том со стороны страхователя или отпало до наступления страхового случая, или не оказало влияния на его наступление, не было причинной связи с ним, напр., изменились к худшему место и условия хранения кассовых ценностей, но страховой слу-

чай произошел вне всякой связи с этими изменениями вследствие неправильной выдачи кассирам денежной суммы.

7. Но кроме сообщений об изменениях в имущественных элементах риска, п. 2 § 30 возлагает на страхователя обязанность сообщить и об обстоятельствах, ухудшающих риск в отношении личности служащих, коим вверено имущество, а именно: заявление Госстраху должно быть сделано и тогда, когда страховой случай не может служить основанием к получению вознаграждения за убытки или страхователь не желает предъявлять требование о нем, или служащий сам возмещает убыток, при чем Госстрах имеет право в случае невыполнения страхователем этого требования отказать в возмещении убытков, какие могут быть впоследствии причинены тем же служащим. Это правило, образцом которого послужил § 10 пол. усл. германского о-ва „Алианс“, вполне естественно и логически вытекает из личного страхования ответственности, с имущественною же конструкцией гар. страхования, рассматривающею действия служащих как своего рода „стихию“, оно уже плохо вяжется и является довольно ярким примером двойственности тех начал, на которых построено гар. страхование. Кроме того, при германском коллективном страховании возмещаются лишь убытки от растрат и корыстных злоупотреблений доверием, и соответствующие §§ германских пол. условий обязывают страхователя уведомлять страховщика именно о случаях, носящих характер уголовно-наказуемых деяний. В виду расширенной ответственности Госстраха (§ 1, п. 2) п. 30 обобщает это положение и распространяет его на убытки от простых упущений служащих, не носящих уголовно-наказуемого характера, связывая с невыполнением этого пункта невыгодные для страхователя последствия, независимо от вины или грубой небрежности с его стороны. Всегда возможны будут случаи, когда страхователь по вполне извинительному заблуждению или по соображениям гуманности, не желая губить репутацию служащего, не уведомит Госстраха о какой-нибудь небольшой утере или недостатке, не носящей уголовного характера и добровольно пополненной служащим. Необходимо уточнить этот пункт в том смысле, что страхователь обязан уведомлять Госстрах лишь о случаях, носящих уголовно-наказуемый характер, и что невыгодные последствия для страхователя отпадают в том случае, если заявление не было сделано им по извинительному заблуждению.

Двойственностью начал, на которых построено гар. страхование, объясняется и та сложность и некоторая громоздкость правил гар. страхования, которая бросается в глаза при первом ознакомле-

нии с ними, особенно по сравнению с пол. условиями германского коллективного страхования ответственности, отличающимися краткостью, ясностью и стройностью. Сложность и неясность редакции некоторых пунктов правил гар. страхования и служит до известной степени причиною тех споров и недоразумений, которые возникают между страхователями-госорганами и Госстрахом при переговорах о заключении страхования и задерживают развитие операций этого нового вида страхования, скорейшее осуществление которого столь необходимо по ряду политических и профессиональных соображений (ст. П. Заводовского в „Вопросах труда“ № 2 1925 г.).

Для устранения этих дефектов было бы целесообразно переработать правила гар. страхования и построить их по принципу страхования ответственности, имущественный же элемент, имеющий также весьма существенное значение для страховщика, как, напр., характер торговых операций с товарами, вверяемыми служащим, место и условия хранения ценностей, род имущества и т. п., рассматривать лишь как одно из условий страхового риска. При таком построении правил гар. страхования необходимо сохранить, как условие ответственности, предварительное одобрение страхуемых служащих регистр. аттест. бюро и инспектирование их Госстрахом, но упростить формальную процедуру увязки служащего с имуществом посредством описи и акта, предоставив ее осуществление самостоятельности страхователя, который сам, прежде всего, заинтересован в надлежащем оформлении своих взаимоотношений с служащим и в доказательствах вручения ему имущества. Вместе с тем будет достигнуто смягчение того обременительного для госпредприятий принудительного режима обслуживания застрахованного имущества, который основан на каком-то необоснованном недоверии к их административно-хозяйственной инициативе.

В основу тарификации премий была бы положена страхуемая сумма ответственности независимо от стоимости имущества, и самими же для страхователя правила п. 2 § 39 и § 32, и обязанность страхователя заключалась бы лишь в представлении всех доказательств, необходимых для установления факта и размера убытков, без предустановления формы таковых, т.-е. обязательного представления инвентаря.

Таким образом, удалось бы достигнуть согласования интересов Госстраха с справедливыми интересами страхователей, а это в свою очередь способствовало бы проведению в жизнь столь важного государственного начинания.

Н. Крюков.

Нужны ли фабзавместкому права юридического лица?

В своей статье „Пользуются ли фабзавместкомы правами юридического лица“ („Е. С. Ю.“ № 14 с/г.) В. Блюменау приходит к выводу о том, что „фабзавместкомам необходимо предоставить право юридического лица“.

Если мы обратимся к Кодексу законов о труде, определяющему в своей главе XV правовое положение профессиональных союзов, то мы должны будем прийти к следующим выводам.

Не называя нигде профессиональных союзов юридическими лицами, Код. зак. о труде в ст. 154 перечисляет принадлежащие союзам правомочия, совокупность которых дает нам полное основание считать профессиональные союзы юридическими лицами в смысле ст. 13 ГК, при чем предусматриваемая ст. 14 ГК регистрация осуществляется для них в порядке ст. 152 Код. законов о труде. Как отмечает и В. Блюменау, Код. законов о труде не указывает, что именно он подразумевает под профессиональными союзами. Но так как качество юридического лица признано за профессиональными союзами, очевидно, из тех соображений, что союзы для осуществления предусмотренных законом (Код. зак. о труде, ст. 151) и их уставами целей принуждены вступать в многообразные имущественные отношения и так как в эти отношения приходится вступать и губернским и уездным отделениям союзов, то юридическими лицами должны быть признаны не только 23 всесоюзных профессиональных объединения, но и все их отделения. В территориальных своих пределах отделения ничем не отличаются по совокупности своих прав от губернского отдела, частью которого они являются. Установление внутренних взаимоотношений и порядка соподчинения отдельных частей союзного целого—дело самих союзных организаций. До сих пор мы совершенно согласны с В. Блюменау.

Совершенно иное дело с фабзавместкомом. Правда, фабзавместком, как и правление уездного отделения или губернского отдела, является „органом“ союза. Но, отмечая это обстоятельство, В. Блюменау упускает из виду, что закон называет фабзавместком „первичным органом“ (Код. зак. о труде 156), „утверждаемым соответствующим профессиональным союзом“ (Код. зак. о труде 157) (т. е. правлением отделения или губотдела). Таким образом, Код. зак. о труде, признающий профессиональные союзы юридическими лицами, не придает фабзавместкому, как первичному лишь органу профсоюза, прав юридического лица, тем более, что определяя в ст. 158 предметы деятельности фабзавместкома, Код. зак. о труде ни одним словом не повторяет своего определения правомочий союзов (154): ни слова о приобретении и владении имуществом, ни слова о заключении договоров, сделок и т. п. А такое важнейшее правомочие, как заключение коллективного договора, прямо изымается из ведения фабзавместкома (КЗ о Т 15).

Не можем мы признать основательной и ссылку В. Блюменау на умолчание закона (ст.ст. 13—14 ГК) о том, что фабзавместкомы лишены прав юридических лиц: с одинаковым успехом из такого умол-

чания можно сделать вывод о наличии качеств юридического лица, например, за любым клубным кружком. Во всяком случае, очерченный законом (Код. зак. о труде 158) круг деятельности фабзавместкомов таков, что никаких выступлений фабзавместкомов в хозяйственном обороте не требует. А фигура юридического лица вызывается в жизни именно потребностями хозяйственного оборота.

Но здесь есть два момента, которые, казалось бы, противоречат только-что высказанному нами утверждению; во первых, у фабзавместкома есть свои средства (Код. законов о труде, 162—163), а, во вторых, для осуществления „мероприятий по улучшению культурного и материального быта рабочих и служащих“ (Код. зак. о труде 158, п. „г“) фабзавместкому, повидимому, приходится оперировать этими средствами и входить в отношения по имуществу с внешним миром. Эти обстоятельства имеет в виду и В. Блюменау, доказывая целесообразность признания фабзавместкомов юридическими лицами.

Попробуем разобраться в этом. Первый вопрос, который необходимо разобрать, это—кому юридически принадлежат отпускаемые предприятием на содержание фабзавместкома средства.

Мы считаем, что эти средства принадлежат не фабзавместкому, а союзу. Иначе ничем не объяснимо то обстоятельство, что средства эти расходуются лишь в пределах сметы, утверждаемой союзом. А утверждая смету, союз может ее изменить по мотивам и законности и целесообразности. Завком распоряжается средствами постольку, поскольку ему разрешает это союз. Поэтому с точки зрения закона, ни в коем случае нельзя считать неправомерной практикуемую иногда союзами концентрацию средств, получаемых на содержание фабзавместкомов. И если, например, VI Московский губсезд союзов высказался против концентрации (резолюция по орг. вопросу, п. 29), то лишь по мотивам нецелесообразности, признав в то же время такую концентрацию в отдельных случаях целесообразной. Разумеется, в пределах сметы фабзавместком распоряжается средствами. В тех же пределах, как орган союза, а не от своего имени он несет и гражданскую ответственность. И если, как говорит В. Блюменау, „в уставе совработников прямо указано, что за действия своих членов, не снабженных специальными полномочиями, союз никакой юридической ответственности не несет“, то это не имеет по существу никакого отношения к данному вопросу. Вполне понятно, что выступления члена союза от имени союза, но без полномочий последнего, юридически для союза безэффектны. Но при чем здесь фабзавместком? Ведь его полномочия, предоставляемые ему по закону и союзному уставу, признаны союзом путем утверждения состава фабзавместкома, и для осуществления их союзом утверждена (отпущена) определенная сумма.

Но В. Блюменау в круге деятельности фабзавместкомов усматривает и такие элементы хозяй-

ствования, которые не могут быть вообще предусмотрены сметой и которые финансируются не из союзных средств. Таковы договоры по рабочему кредиту, организация различных предприятий и т. п. Но и это утверждение не обосновано, так как при всем своем отмечаемом В. Блюменау „курсе на всяческое развитие самостоятельности масс“ союзы всячески стремятся к освобождению фабзавместкомов от каких-либо хозяйственных функций. Тот же VI Московский губс'езд профсоюзов и разивший это решение президиум МГСПС (прот. № 16 от 2/IV—25, п. 13) категорически высказались против выполнения завкомами работ по выполнению различных хозяйственных поручений, по кредитованию, заготовке дров, подписке на газеты и т. п. Фабзавместком лишь организует подобного рода работу и проталкивает ее через заводоуправление, кооператив и др. органы. Все (столовые, прачечные, ясли) не могут и не должны быть предприятиями фабзавместкома. Это—дело хозяйствующих органов. „Фабзавместком должен лишь оставить за собой наблюдение за фактической постановкой работы в этих областях“ (резол. VI Моск. губс'езда союзов по орг. вопросу п. 5). Еще не законченная кампания в профессиональной прессе о разгрузке фабзавместкомов от несвойственных функций с достаточной ясностью отражает точку зрения самих союзов по этому вопросу (см., напр., нашу статью „Пора подойти вплотную“ в „Труде“ от 9/IV—с/г. № 81).

В частности, ниоткуда не следует, что перечисляемые в фонд улучшения быта рабочих средства „должны будут поступать в значительной части в распоряжение комитетов“. Это—специаль-

ный фонд предприятия, расходуемый его распоряжением. Союз же и фабзавместком в порядке своего представительства по всем условиям труда и быта рабочих и служащих представляют предприятию свои соображения по вопросу о конкретном назначении этого фонда, расходуемого хозорганом от своего имени по согласованному с союзом плану (см. приказ ВСНХ № 58 от 9/IV—24 г. в „Сборнике приказов и циркуляров ВСНХ“ за апрель 1924 г.).

Что касается касс взаимопомощи, они притянуты В. Блюменау, очевидно, по недоразумению. Касса взаимопомощи является совершенно самостоятельной организацией со своими членами, уставом, средствами, ревизионной комиссией и с фабзавместкомом организационно не связана (см. резол. VI с'езда профсоюзов СССР по орг. вопросу п. п. 24—27). Вопрос о признании их юридическими лицами—вопрос совершенно самостоятельный. Отметим, что высказанная нами в печати мысль (см. нашу статью „Реорганизация касс взаимопомощи“ в „Труде“ от 6/I—с/г. № 4) о нецелесообразности такого признания совпала с точкой зрения ряда московских губотделов, союзов и ВЦСПС.

Мы считаем, что выдвинутое В. Блюменау положение не обосновано ни с точки зрения действующего законодательства, ни с точки зрения целесообразности. Фабзавместкомы не хозяйствуют и хозяйствовать не должны. „Самодетельность масс“ развивается по совершенно иному пути, несколько не находясь в зависимости от разрешения тех или иных вопросов юридического свойства.

Ив. Троицкий.

Порядок приведения в исполнение определений судов по нарушениям Устава о гербовом сборе.

Нами уже неоднократно указывалось, что уточнение объема работы судебных исполнителей является тем вопросом, от правильного разрешения которого зависит во многом успешность всего исполнительного процесса в целом. Однако, это уточнение до самого последнего времени не находило себе места ни в соответствующих разъяснениях подлежащих инстанций, ни в порядке обсуждения на страницах печати.

В результате судебные исполнители, наряду с тем, что они должны выполнять по закону, исполняют и то, что ни в коем случае к ним не относится и относиться не может.

Возьмем, например, исполнение определений судов о взыскании гербового сбора и штрафа по обнаруженным ими нарушениям Устава о гербовом сборе. Такие определения приводятся в исполнение, как общее правило, судебными исполнителями. Имеются ли к этому законные основания? Отнюдь нет. Лишь в самое последнее время имеется попытка обосновать установившуюся практику, при чем она исходит от Госналога НКФ СССР. Мы говорим о разъяснении Госналога Наркомфину Белоруссии от 16 января 1924 г. за № 043523, помещенном в „В. Ф.“ № 15 от 15 февраля 1924 г. Мы позволяем себе для связи

с последующим изложением привести это разъяснение целиком. В нем сказано следующее: „В настоящее время, с введением на территории ССРБ Гр. Пр. Кодекса, определения судов по взысканию гербового сбора и штрафа, в силу 186 и 255 ст. этого Кодекса, приводятся в исполнение в том же порядке, как и другие постановления судов, т. е. с момента постановления их и через судебных исполнителей. Правда, ст. 255 говорит только про исполнение определений судов о наложении штрафов, но при условиях взыскания гербового штрафа самим судом, постановившим определение по взысканию как штрафа, так и сбора, нет никаких оснований отделять „взыскание этого сбора от штрафа“.

Попытаемся проанализировать это разъяснение. Прежде всего, относительно ссылок на статьи Гр.-Пр. Кодекса. Первая ссылка, на ст. 186, в связи с изменением редакции означенной статьи в настоящее время не имеет значения. Что же касается указания на статью 255, то и эта ссылка вызывает справедливые возражения. П. „г“ ст. 255 ГПК говорит об исполнении через судебных исполнителей „определений судов по гражданским делам о наложении штрафов“. О каких же штрафах идет здесь речь? Очевидно, о тех, ко-

торые нашли себе место в Гражданском Процессуальном Кодексе. Обращаясь к последнему, мы в главе V-й его, трактующей о штрафах (ст. ст. 49—52), находим лишь определения судов о штрафах, налагаемых на свидетелей, сведующих лиц (экспертов) и третьих лиц за различного рода процессуальные нарушения. Ни о каких штрафах по нарушениям гербового устава здесь нет и речи. С другой стороны, ст. 40 ГПК определенно указывает, что гербовый сбор в судах взыскивается по правилам устава о гербовом сборе. Следовательно, гербовый устав, как закон специальный, устраняет действие ГПК, и лишь в тех случаях, когда в первом определенно указывается, что нужно применить нормы ГПК, таковые и применяются, а не наоборот. К моменту издания Гр. Пр. Кодекса действовал декрет ВЦИК и СНК от 28/IX—23 г. о предоставлении судам права самостоятельного производства дел о нарушениях устава о гербовом сборе, вошедший впоследствии в новый устав о гербовом сборе от 17/VIII—23 года. Таким образом, если бы составители ГПК имели в виду возложить на судебных исполнителей и взыскание штрафов по гербовому сбору, об этом было бы определенное указание как в гл. V-й, так и в ст. 255. Однако, этого сделано не было и, как мы увидим ниже, не без основания. Для разрешения этого вопроса необходимо сделать маленькое историческое расследование.

В циркуляре НКЮ № 90 от 5/X—22 г. („ЕСЮ“, 37—38 за 1922 г.), изданном вследствие изменения ст. 19 устава о гербовом сборе, указывалось, что если при объявлении определения суда о наложении штрафа не присутствует то лицо, на которое обращен штраф, а равно и в случае неплаты штрафа в назначенный срок, суд направляет копию своего определения в отделение милиции по месту жительства или занятия оштрафованного для взыскания в порядке беспорного производства. Изданный в дополнение к названному циркуляру циркуляр НКЮ № 149 от 11 декабря 1922 г. („ЕСЮ“, № 46—47, 1922 г.) установил, что эти определения должны приводиться в исполнение через местный губфинотдел (по месту жительства оштрафованных), т.-е. опять-таки не через судисполнителей, а через органы, ведающие взиманием государственных доходов и сборов. Установленный этими циркулярами порядок, вполне соответствующий фискальному характеру упомянутых взысканий, не возбуждал ни в ком, в частности, и в органах фиска, никаких сомнений в его правильности, что мы и видим в соответствующих разъяснениях Центроналога (см., например, разъяснения его Витебскому губфинотделу от 20/21—VII—23 г. за № 551743 и Брянскому губфинотделу от 28/30—VII—23 г. за № 551801)¹⁾. Более того, инструкция о применении Устава о госуд. герб. сборе, утвержденная 22 XI—23 г., т.-е. уже после введения в действие ГПК, в ст. 50, определяющей порядок взыскания, ясно указывает, что „Верховный, губернские и народные суды сообщают в местные губ. и обл. финотделы копии своих постановлений по обнаруженным им

нарушениям Устава о герб. сборе относительно частных лиц для производства взыскания“.

Если ко всему сказанному мы припомним, что, согласно ст. 5 декрета СНК СССР от 25/IX—23 г. „о взыскании платежей по некоторым категориям государственных доходов в беспорном порядке“ („С. У.“ № 101, ст. 1008), о всех платежах причитающихся в пользу государства пошлин и сборов, носящих налоговой характер, „подлежащие учреждения (в том числе, конечно, и суды—В. Л.) сообщают финансовым отделам для наблюдения за поступлением этих сумм и для их взыскания“, то очевидно, что и гербовый сбор и штраф по ним, хотя бы и определенный судом, должен взыскиваться в том же порядке, т.-е. через органы фиска, ибо он относится к числу сборов с ясно выраженным налоговым характером (см. о характере этого сбора разъяснение Госналога особой полномочной комиссии при СТО от 25/IV 24 г. № 042510150—51)²⁾.

Правда, циркуляры НКЮ № 90 и 149 теперь отменены, но это не имеет значения, ибо первый, определяющий порядок производства дел в судах о гербовых нарушениях, отменен в виду издания ГПК, а второй, как замененный ст. 147 ГПК³⁾, которая определяет лишь порядок рассмотрения в судах дел о нарушениях устава о гербовом сборе и порядок обжалования определений судов по этим делам, а не порядок приведения в исполнение означенных определений.

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что для Госналога не было никаких оснований изменять своим разъяснением (притом, очевидно, не согласованным с НКЮ) установившуюся практику приведения в исполнение определений судов о взыскании герб. сбора и штрафа, перекладывая последнее с финорганов на судисполнителей. Ссылка же Госналога на введение ГПК, как на обоснование передачи, совершенно неубедительна, ибо инструкция НКФ утверждена уже после введения ГПК в РСФСР.

Финорганы, имея широко разветвленный налоговой аппарат и сеть агентов, с большей скоростью и успехом могут производить эти взыскания, нежели судисполнители, слишком малочисленные и без того уже перегруженные исполнением судебных решений. Вообще необходимо раз навсегда провести точно определенную демаркационную линию между тем, что должны делать органы суда судисполнители, и тем, что составляет обязанность финорганов. Всякие взыскания в пользу фиска (казны), как такового,—дело финоргана, исполнение решений в пользу госпредприятий и частных лиц—дело судисполнителей.

В заключение добавим, что если неправильно взыскание через судисполнителей герб. сбора и штрафа по определениям суда, то тем более недопустимо и поручение судами судисполнителям взимания герб. сбора по документам, представленным в суд и почему-либо неоплаченным, а между тем, на практике и это иногда случается.

В. Лучанинов.

¹⁾ Суперанский — Устав о гос. герб. сборе, изд. 1924 г., стр. 223.

¹⁾ См. Устав о госуд. герб. сборе под редакцией М. Суперанского, изд. 1924 г., стр. 59.

³⁾ См. циркуляр НКЮ № 133 от 30/VIII—24 г. („ЕСЮ“ № 34—24 г.).

Старое в новом.

В нашей судебной (а подчас и иной) практике, мы нет-нет, но наталкиваемся на такие казусы, которые отдают древней стариной. Наша задача — не замалчивать их, а оглашать в „Еженедельнике“, дабы предотвращать возможность их повторения в дальнейшем.

Про один такой казус сейчас я и расскажу.

В одно из отделений Ленинградского нарсуда в октябре 1924 г. поступило частное заявление о возбуждении уголовного преследования по 174 и 179 ст.ст., при чем заявитель ссылаясь на протокол официального заседания, в котором зафиксированы слова обвиняемого, являющиеся клеветой. Для большей верности заявителем были указаны и свидетели, могущие опровергнуть слова обвиняемого, в числе 8-ми.

Даже для не-юриста ясно, что в таком деле не потерпевший, а обвиняемый нуждается в свидетелях и всякого рода доказательствах (что он не клеветал, а говорил правду). Также, казалось бы, ясно, что нет никакой надобности в производстве дознания, особенно при наличии ссылки на официальный документ, с которым суд может (и должен) ознакомиться. На деле же получилось совсем не так.

В январе 1925 г. заявитель к своему удивлению узнает, что дело направлено судьей в милицию того района, где проживает обвиняемый, для производства дополнительного дознания. Отсюда и пошла писать губерния, как говорили когда-то.

Милиция, в которую поступило дело, переслала другой, того района, куда обвиняемый успел тем временем переехать, а та еще в третью. Наконец, обвиняемый найден,

опрошен (как-будто этого польза было сделать во время судебного следствия). Казалось бы, конец. Опять, оказывается, не все.

Третий по счету район милиции переслал в четвертый для опроса проживающего в этом районе свидетеля и пересылки в следующий район милиции для опроса другого свидетеля и т. д. Так как на опрос обвиняемого ушло 3 месяца, то на опрос свидетелей (которых опять-таки, если уж надо спрашивать в таком ясном деле, то почему обязательно через милицию, а не на суде непосредственно?), в числе 8 чел., понадобилось бы ни мало, ни много 2 года, но от возбуждения до разбора дела прошло бы года 2½—3.

На вопрос заявителя, поч му он направил на дополнительное дознание, судья ответил: „мне предоставлено такое право“.

Факт этот, сам по себе незначительный, имеет большое значение. При этом он двулик: с одной стороны, судья, пользующийся своим правом так, как-будто оно является и обязанностью, с другой — милиция, где существует так-сказать „этапный“ порядок опроса свидетелей.

Вывод в, соответственно этому, надо сделать два:

1) необходимо разъяснение НКЮ относительно пользования такого рода „правами“, и

2) необходимо распоряжение НКВД об опросе всех свидетелей по одному делу одним отделением милиции тем, к которому оно сразу поступило (в районе которого проживает обвиняемый).

Тогда мы не будем больше свидетелями таких казусов, как описанный.

А. Либерман.

Обзор советского законодательства за время с 3 по 9 мая 1925 года.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

1. Утвержденное постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 7 мая положение об едином сельско-хозяйственном налоге на 1925—1926 год («Изв. ЦИК СССР» от 8 мая, № 103) требует особого, более подробного рассмотрения. Изложению и разбору положения будет посвящена специальная статья.

2. Постановление СНК Союза ССР от 21 апреля об изменении п. п. «в», «г» и «д» ст. 6 постановления СНК Союза ССР от 23 сентября 1924 г. о мерах к подъему государственной и частной золотопромышленности («Изв. ЦИК СССР» от 3 мая 1925 г., № 99) направлено к установлению больших льгот государственной и омышленности, чем это предусмотрено постановлением от 23 сентября 1924 г. («Собр. Зак. СССР» 1924 г. № 15, ст. 151). От долевого отчисления, установленного 32 ст. положения о н д а х земли в размере не свыше пяти процентов, освобождаются государственные предприятия, разрабатывающие золотосодержащие недра не только на праве заявки, но и на праве аренды. Частные же предприятия освобождаются от уплаты этого отчисления лишь в отношении площадей, разрабатываемых ими на праве заявки. Льготное освобождение от десятипроцентной платы распростра-

няется лишь на фактически разрабатываемые частными предприятиями отходы и на резервные площади, равные разрабатываемым отходам. Предельный максимальный размер долевого отчисления в 3 проц. установлен для площадей, уже сданных и впредь сдаваемых в аренду частным лицам. Постановлению придана об атная сила со дня опубликования постановления от 23 сентября 1924 г.; оно должно, таким образом, облегчить и упростить расчеты по предприятиям государственной золотопромышленности.

3. Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 24 апреля об установлении для Бурято-Монгольской авт. соц. республики ставок акциза на спирт, коньяк и водочные изделия и особого патентного сбора за право продажи спирта, хлебного вина, коньяка и водочных изделий («Изв. ЦИК СССР» от 6 мая, № 101) вызвано тем соображением, что в пределах этой республики существует особая государственная винная монополия, выпускающая перечисленные напитки свыше 30 градусов; за право продажи такой крепости напитков установлен особый патентный сбор независимо от особого патентного сбора, взимаемого повсеместно на основании постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 5 ноября 1923 г. («Собр. Уз.» 1924 г. № 13, ст. 110), а с мест распивочной продажи взимается также особый патентный сбор, установленный для мест продажи табачных

изделий. В общем же ставки акциза значительно изменены, соответственно особым бытовым условиям Буяты-Монгольской республики, сравнительно с установленным постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 20 августа 1922 г. («Собр. Уз.» № 96, ст. 951).

4. Постановление СТО от 15 апреля о временных поправочных коэффициентах к нормам затраты рабочей силы по урочному положению для строительных работ и об изменениях и дополнениях урочного положения («Изв. ЦИК СССР» от 5 мая, № 100) отменяет постановление СТО от 14 сентября 1923 г. о порядке применения урочного положения, предлагает всем ведомствам, общественным и кооперативным учреждениям и предприятиям руководствоваться урочным положением, утвержденным 1 марта 1923 г. междуведомственной метрической комиссией, а также содержит ряд поручений Госплану по выработке новых поправочных коэффициентов, по собиранию статистических сведений и по разработке этих сведений.

5. Согласно постановления СНК Союза ССР от 6 мая об оплате проезда студентов высших учебных заведений, рабочих факультетов и техникумов, командированных на практику («Изв. ЦИК СССР» от 7 мая, № 102), отменена установленная постановлением СНК Союза ССР от 9 июня 1924 г. («Собр. Уз.» № 74, ст. 746) оплата проезда за счет предприятий и учреждений как общесоюзных, так и республиканских и местных, в которые эти студенты командированы. Оплата расходов по проезду принята на государственный бюджет и производится по льготному тарифу, установленному со скидкой в 50% п. 4 постановления СНК Союза ССР от 10 мая 1924 г. об изменении и отмене некоторых льготных проездных тарифов («Собр. Уз.» № 63, ст. 631). Вообще же действие льготного проездного тарифа распространено и на студентов техникумов. Вместе с тем установлен твердый контингент направляемых в 1925 году на практику студентов в 50 000 чел. Срок действия выдаваемых согласно постановления особых удостоверений НКПС на право льготного проезда установлен по 1 апреля 1926 г.

6. Постановление СНК Союза ССР от 5 мая о понижении пошлин на привозимые на Бакинскую ярмарку 1925 г. шкуры овечьи и козьи («Изв. ЦИК СССР» от 7 мая, № 102) издано в развитие из ст. 30-й таможенного тарифа по азиатской торговле для привозимых товаров («Собр. Зак. СССР» 1924 г., № 10, ст. 100) и объясняется целью содействия успеху Бакинской ярмарки, имеющей важное значение для установления и укрепления наших сношений с восточными странами.

7. Постановление СТО от 15 апреля о разрешении вывоза нефтепродуктов через Махачалипирскую таможню со сложением акциза («Изв. ЦИК СССР» от 9 мая, № 104) издано на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 11 января 1923 г. о мерах содействия экспорту («Собр. Уз.» № 3, ст. 60) и свидетельствует о значительном росте продукции нашей нефтепромышленности, все в больших и больших количествах направляемой за границу.

Заслуживают быть отмеченными два напечатанных в центральном правительственном органе ведомственных распоряжения.

8. Постановление Наркомата Финансов Союза ССР от 24 апреля о сложении недоимок и пени по обязательной выборке облигаций 1-го государственного 6% выигрышного займа 1922 г. («Изв. ЦИК СССР» от 3 мая, № 99) издано в связи с предусмотренным п. 2 постановления СНК СССР от 21 февраля 1925 г. о прекращении принудительного размещения облигаций 2-го государственного выигрышного займа 1924 г. сложением недоимок и пени с живущих на трудовые доходы лиц, не выплативших облигации займа в установленные сроки. Постановление

также распространяет свое действие только на лиц, живущих на трудовые доходы.

9. Постановление Наркомата Финансов Союза ССР от 28 апреля 1925 г. об изменении порядка обложения промысловым и подоходным налогом уличных торговцев («Изв. ЦИК СССР» от 9 мая, № 104) значительно облегчает положение уличных (но не рыночных) торговцев некоторыми мелкими товарами, производящих свою торговлю единолично с рук, с небольших лотков, из мешков, корзин и т. п. легко переносимых одним человеком помещений. Эти торговцы освобождаются от выборки патента на торговые предприятия первого разряда и облагаются личным промысловым налогом по первому разряду личных промысловых занятий. Кроме того, эти же лица облагаются подоходным налогом по первой группе категории «Б»; выбирая промысловые патенты, они освобождаются от платежа местного разового сбора.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

1. На основании акта общесоюзного законодательства постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 2 января 1925 г. о порядке найма рабочей силы («Собр. Зак. СССР», № 2, ст. 15) издано постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 4 мая о порядке найма рабочей силы («Изв. ЦИК СССР» от 7 мая, № 102). Последнее постановление содержит ряд более конкретных положений. Порядок предоставления рабочей силы через биржи труда (ст. ст. 5—10 Кодекса законов о труд.) отменяется. Наем рабочей силы, а также поступление на работу могут производиться как через биржи труда, исключительно осуществляющие функции посредничества по найму рабочей силы и по приисканию работы, так и помимо их. Постановление это распространяется как на частных нанимателей, так и на государственные и общественные учреждения, предприятия и хозяйства. Учет найма рабочей силы осуществляется Наркоматом Труда, органам которого наниматели обязаны сообщать соответствующие статистические данные.

2. Издание Исправительно-Трудового Кодекса, утвержденного постановлением 2-й сессии ВЦИК XI созыва, явилось основанием для издания постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 13 апреля об отмене и согласовании с Исправительно-Трудовым Кодексом РСФСР декретов и постановлений, касающихся исправительно-трудовых отношений («Изв. ЦИК СССР» от 7 мая, № 102). Отменено всего тринадцать законодательных постановлений, начиная с постановления об учреждении тюремной коллегии при НКЮ («Собр. Уз.» 1918 г., № 15, ст. 223), фактически давно уже потерявшего значение, и кончая постановлением о принудительных работах без содержания под стражей («Собр. Уз.» 1923 г., № 16, ст. 202). Кроме того, внесен ряд изменений в положение об административном отделе губисполкомов («Собр. Уз.» 1924 г., № 70, ст. 620).

3. Постановление СНК РСФСР от 28 апреля о прописке граждан в городских поселениях («Изв. ЦИК СССР» от 7 мая, № 102), изданное в развитие и дополнение постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1923 г. об удостоверениях личности («Собр. Уз.» РСФСР 1923 г., № 61, ст. 575), содержит правила прописки, отчасти отменяющие п. 2 последнего постановления, устанавливающий для удостоверения личности перед органами управления требование предъявления письменного удостоверения, составленного по определенной форме. Достаточным же для прописки является предъявление также актовой или старой метрической выписи о рождении, расчетной книжки или вообще удостоверения с места работы или службы, членского билета профсоюза или других документов, устанавливающих

личность. По прибытии на жительство, хотя бы временное, но на срок более трех дней, должно немедленно заявить об этом домоуправлению. Последнее должно в течение 48 часов занести сведения в домовую книгу и зарегистрировать запись в отделении милиции с представлением одного из перечисленных документов. При отсутствии последних возможна прописка на срок не более трех месяцев по письменному заявлению прибывшего; в течение этого срока один из документов должен быть представлен. Военнообязанные должны представлять документы, удостоверяющие их отношение к военной службе. Иностранцы прописываются по установленным для них видам на жительство. По выбытии кого-либо из дома домоуправление отмечает об этом в двухдневный срок в домовую книгу и регистрирует запись в милиции. Невыполнение домоуправлениями (ответственными их лицами, арендаторами, домовладельцами) обязанностей по прописке прибывающих и по отметке выбывающих граждан влечет за собой наложение в административном порядке штрафа не свыше 25 руб. Предъявление чужих документов, подделка их, а равно сообщение ложных сведений в письменном заявлении карается по ст. ст. 85-а, 222 и 226-б Угол. Код.

4. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 4 мая об изменении некоторых статей положения о налоге о наследств и с имуществом, переходящих по актам дарения («Изв. ЦИК СССР» от 9 мая, № 104), внесены некоторые редакционные уточнения в это положение. Налог исчисляется со всей наследственной или даримой массы совокупно, независимо от числа наследников или лиц одаряемых. Налогом облагаются имущества, переходящие по актам дарения, стоимостью свыше 1.000 рублей. В ст. 27 положения ссылка на ст. 5 заменена ссылкой на ст. 8.

5. Постановление СНК РСФСР от 28 апреля о преобразовании факультета общественных наук 1-го Московского государственного университета в факультет советского права и этнологический («Изв. ЦИК СССР» от 3 мая, № 99) означает выделение преподавания различных отраслей советского права в особую категорию наук, изучаемых на одном из специальных университетских факультетов. Все подготовительные работы по преобразованию должны быть закончены к 1-му июня с. г.

М. Брагинский.

Из деятельности Наркомюста. Раз'яснения Отдел. Законод. Предп. и Кодификации.

О порядке совершения доверенностей грузоотправителями (перепоручений) на пред'явление к желез. дорогам претензий и исков по накладным.

Народный Комиссариат Юстиции по Общеконсультационному отделу раз'яснил акт. об-ву по выдаче справок о кредитоспособности „Кредит-Бюро“ (раз. № 14в.43).

«1. Ст. 5 декрет ЦИК и СНК СССР («С. У.» № 68 за 1923 г., ст. 853) говорит:

„Перепоручения на пред'явление к железным дорогам претензий и исков по накладным могут быть выдаваемы грузохозяевам или их правопреемниками только в форме отдельных доверенностей“.

Возникает вопрос, должен ли один и тот же грузоотправитель, имеющий несколько накладных, совершать столько же доверенностей на имя одного и того же поверенного для пред'явления по этим накладным претензий к железным дорогам или достаточно одной доверенности для пред'явления претензий по всем накладным.

2. Ст. 264 Гражд. Кодекса РСФСР устанавливает, что поверенный должен быть снабжен письменной доверенностью или уполномочием. Ст. 265 Гражд. Код. говорит, что в тех случаях, когда поверенный должен совершить действие по отношению к правительственному органу или должностному лицу, доверенность должна быть под страхом недействительности засвидетельствована нотариальным порядком, за исключением случаев, когда особыми правилами допущена иная форма доверенности. Поверенный считается уполномоченным на совершение всех тех действий, которые указаны в доверенности, в такой же степени, как, если-бы эти действия совершил сам доверитель. Исключения из этого общего правила указаны в ст. 18 Гражд.-Проц. Кодекса, как-то: окончание дела миром, передача споров в третейский суд, отказ полностью или частично от исковых требований, передача полномочия другому лицу и получение имущества или денег. Даже эти полномочия могут быть представлены поверенному, если эти полномочия специально указаны в

тексте доверенности. Поэтому, следует сделать вывод, что поверенный может в силу общей доверенности пред'являть к железным дорогам претензии по всем накладным одного и того же доверителя. Слова: „Только в форме отдельных доверенностей“ должны быть понимаемы в том смысле, что перепоручения на пред'явление к железным дорогам претензий и исков по накладным не могут быть выдаваемы грузохозяевам путем учинения перепоручительных надписей на самих накладных.

3. Отдельная доверенность может быть выдаваема или в форме общей доверенности (на право ведения всех дел в административных и судебных учреждениях), или в форме специальной доверенности (на пред'явление к железным дорогам всяких претензий, вытекающих из договора перевозки). Согласно ст. 267 Гражд. Кодекса и циркуляра № 12 НКЮ от 30 янв. 1923 г. („Еж. Сов. Юст.“ № 3 за 1923 г., стр. 78) доверенности от имени государственных учреждений и предприятий, освобожденных от промышленного налога, выданные за подписью ответственного руководителя и снабженные печатью учреждения или предприятия, не нуждаются в засвидетельствовании нотариальным порядком. Доверенности от имени госпредприятий, облагаемых промышленным налогом, должны быть засвидетельствованы нотариальным порядком во всех случаях, где это требуется по закону для доверенности от имени частных лиц и учреждений“.

Следует ли к договорам гужевого перевозки применять нормы договора подряда?

Народный Комиссариат Юстиции по Общеконсультационному отделу раз'яснил Сев-Заппромбюро (раз. № 480.14 в. 4).

„1. В раз'яснениях об-ву „Транспорт“ („Еж. Сов. Юст.“ № 27 за 1924 г., стр. 637) и НКТруд РСФСР („Еж. Сов. Юст.“ № 30 за 1924 г., стр. 708) было указано, что следует определить разграничительную черту между трудовым договором рабочего, представляющего свой инструмент

для нужд предприятия и получающего сверх заработной платы (еще особую компенсацию за изнашивание инструмента (ст. 85 Код. зак. о труде), и между подрядчиком, хотя бы и мелким, в том, что подрядчик эксплуатирует чужой труд, а ломовой возчик со своею лошадию и со своею телегою не эксплуатирует чужого труда.

2. Поэтому в дополнение к пункту 1-му своего разъяснения за № 1357/3 от 21/XI 1924 г. НКЮ находит, что не подпадает под действие ст. 4-ой положения о государ. подрядах и поставках договоры перевозки, осуществляемые

контрагентами госоргана-заказчика без эксплуатации наемного труда, и, наоборот, подпадают под действие этой ст. 4 договоры, связанные с эксплуатациею контрагентами госоргана наемного труда.

Целикомительно к общему духу советского права (ст. 4 Гражд. П. оц. Кодекса) социальный приваек—наличность или отсутствие эксплуатации чужого труда—должен видоизменять юридическую природу договоров гужевой перевозки в смысле отнесения части договоров к трудовым, а части договоров к имущественным соглашениям.

Из деятельности Верховного Суда РСФСР. Определения гражд. касс. коллегии.

Определение по делу № 3802.

Именем РСФСР 1925 года, февраля 28 дня, Верховный суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя С. М. Прушицкого, членов: Ф. И. Прокофьева и А. А. Крамер-Агеева, в открытом судебном заседании слушал в порядке 187 ст. ГПК частную жалобу гр. Валина, В. А., на определение Мосгубсуда от 15 января 25 года по делу по иску ликвидкома «Коопкредит» к жалобщику о взыскании, как с членов т-ва, убытков 2870 руб., по вопросу о приостановлении исполнения решения.

Принимая во внимание, что форма обеспечения решения, не обращенного к немедленному исполнению, принятая судом—в виде обязательства ответчика внести денежную сумму в депозит суда,—не предусмотрена законом, согласно которого внесение исковой суммы в депозит суда является правом ответчика, которым он может воспользоваться взамен допущенного судом обеспечения согласно 87 ст. ГПК, что такой способ обеспечения при отсутствии согласия на то ответчика не представляет из себя ничего реального, действительно способного обеспечить интересы истца, что, сверх того, определение этой суммы в 5000 руб. при цене иска в 2870 руб. неправильно,—

Г. К. К. Верховсуда определяет:

Определение Московского губсуда от 15/1—24 года отменить в части обеспечения иска и дело для нового рассмотрения в отмененной части передать в тот же суд в ином составе.

Определение по делу № 34434.

Именем РСФСР 1925 года, марта 7-го дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам в составе: председателя В. Н. Лебедева, членов: Л. А. Саврасова, А. А. Крамер-Агеева, в открытом судебном заседании слушал дело по иску жил. т-ва дома № 5/4 по 1-й и 2-й Гражданским улицам к Тверскому хлопчато-бумажному тресту о взыскании арендной платы 891 р. 50 к., по кассационной жалобе правления Тверского хлопчато-бумажного треста, «МУНИ», «МОНО» и Наркомвнуторга СССР, на решение Московского губсуда от 28/X—24 года, коим определено:

«1) Договор жил. т-ва с Тверским трестом признать законным; 2) договор Наркомпрода с Тверским трестом в части заключения последнего в договор застройки, как субарендаго, признать недействительным и таковой расторгнуть; 3) договор МУНИ с Наркомпдом в части включения строений под литерами «Е», «Ж» и «З» в договор

застройки исключить; 4) взыскать с Тверского треста в пользу жил. товарищества арендную плату за особняк под литерами «Е», «Ж» и «З» в месяц 178 р. 30 к., а за декабрь, январь, февраль, март и апрель всего 891 р. 50 к.; 5) за ведение дела и издержки истцу жил. т-ву отказать, в виду того, что проигравшая сторона является госучреждением, а кроме того, трест, как более всего способный выплатить таковые, менее всех виновен в данном деле и не заслуживает к себе такого отношения, как выплата издержек; 6) в иске МУНИ и МОНО к жил. т-ву д. № 5 и 4 по 1-й и 2-й Гражданским улицам отказать».

Обсудив кассационную жалобу, ГКК Верховсуда находит:

1) по основному договору от 2-го февраля 1922 года МКХ передало жил. т-ву «в управление хозяйственное заведывание и поддержание в исправном и годном для жилья состоянии» домовладение, в состав коего, судя по приложенной к договору характеристике домовладения, входило 7 отдельных строений, частью совершенно разрушенных, а частью полуразрушенных или находившихся в неисправном состоянии; п. 11 того же договора жил. т-ву было воспрещено без письменного разрешения МКХ передавать кому бы то ни было права на домовладение; таким образом, жил. т-во, с одной стороны, приняло на себя обязательство привести все домовладение в годное для жилья состояние, с другой, в осуществление этой своей задачи жил. т-во не было по договору ограничено в правах на сдачу той или иной части домовладения в субаренду третьим лицам; при таком положении вещей суд вправе был подойти к разрешению настоящего дела не с точки зрения формальных требований МУНИ, сводившихся к расторжению договора субаренды на часть домовладения между жил. т-вом и Тверским хлопчато-бумажным трестом от 26 июля 1922 года, как по получившего надлежащего утверждения МКХ, и к расторжению в части основного договора между МКХ и жил. т-вом от 2-го февраля 1922 года в виду превышения жил. т-вом предоставленных ему законом и договором прав, а с точки зрения соответствия обоих договоров общегосударственной жилищной политике и характера использования наемателем арендованного домовладения; по обследованию всех обстоятельств дела суд в решении своем установил, что строение, находившееся до заключения договора субаренды в состоянии разрушения на 70%, в период действия этого договора было восстановлено на 100%, что арендная плата по договору определяется ординарными ставками Моссовета и, следовательно, не преследует целей обогащения жил. т-ва, что государственные интересы вовсе не нарушены и нет оснований к применению 30 ст. ГК, и потому, сделав такие выводы, не стоящие в противоречии с обстоятельствами

дела, суд совершенно правильно отверг иски о требованиях МУНИ, удовлетворив требования житловарихства, 2) что касается исковых требований МОНО, то следует признать, что вопреки ст. 5 ГКК суд не обсудил правомерности требований МОНО, поскольку таковые основываются истцом на декретах СНК от 13 мая и 6 сентября 1921 года «об обеспечении культурно-просветительных и воспитательных учреждений помещенными».

На основании вышеизложенного ГКК Верховсуда определяет:

Решение Московского губсуда от 28 октября 1924 года в части отказа в иске МОНО отменить и дело в этой отмененной части передать на новое рассмотрение в тот же губсуд в ином составе; в остальном решение Мосгубсуда оставить в силе.

ХРОНИКА

Юридическое положение касс взаимопомощи.

В № 16 «Ежен. Сов. Юст.» сообщалось о том, что финансовая комиссия МГСПС высказалась за предоставление прав юридического лица кассам взаимопомощи.

Президиум МГСПС, на утверждение которого комиссия внесла разработанные ею материалы, поставил вопрос о предоставлении права юридического лица кассе взаимопомощи передать на предварительное заключение губотделов профсоюзов.

В связи с этим решением несколько московских губотделов высказались против мнения финансовой комиссии по этому вопросу. За точку зрения финансовой комиссии не высказалась ни одна организация.

Обсуждавшее в дальнейшем вопрос об юридическом положении касс взаимопомощи совещание при орг. отделе ВЦСПС нашло, что признание их юридическими лицами нецелесообразно.

Комитеты помощи содержащимся в местах заключения и освобожденным из них.

Всероссийский и местные комитеты помощи, согласно положения НКВД от 5/1—25 г., имеют целью организацию всякого вида помощи освобождаемым из мест заключения и содержащимся в них немущим заключенным путем объединения государственных, профессиональных, кооперативных и политических учреждений и отдельных деятелей, желающих бороться с нуждой, ведущей к повторной преступности.

Для осуществления названных целей комитеты помощи образуют денежный и материальный фонд, оказывают помощь для поездки на родину или на место службы (работы), устраивают общестия, столовые и ремесленно-производственные предприятия, объединяют освобожденных в артели, кооперативы и т. п., оказывают содействие в организации амбулаторий, лечебниц, санаторий и т. п. учреждений, содействуют обзаведению на льготных условиях рабочими инструментами и предметами домашнего обихода, учреждают профессиональные и общеобразовательные школы и курсы, устраивают бюро юридической помощи, устраивают библиотеки, читальни, клубы, выставки, лекции, спектакли, концерты и т. п., созывают конференции и съезды, издают труды и журналы по вопросам своей деятельности, приобретают, отчуждают, арендуют необходимое для них имущество и заключают сделки и договоры, отвечающие задачам комитетов.

Каждый комитет состоит из членов: действительных и сотрудников, пользующихся правом лишь совещательного голоса.

Средства комитета составляются из: %ных отчислений от чистой прибыли предприятий мест заключения, субсидий правительственных и общественных учреждений, пожертво-

ваний и отчислений отдельных граждан, доходов от своих предприятий, учреждений и специальных мероприятий.

Органы управления комитета: общие собрания членов, правление комитета, правление Всероссийского комитета и ревизионная комиссия.

В состав правления Всероссийского комитета входят представители: ВЦИК, НКЮ в лице Помощника Прокурора Республики, НКВД, Нар. Ком. Здравоохранения и ВЦСПС. Главное Управление местами заключения Республики, как наиболее тесно связанное с работой комитета учреждение, кроме заместителя председателя, имеет еще одно место в правлении комитета.

Правления местных комитетов конструируются аналогично Всероссийскому. Председателем комитета является представитель ВЦИК (соответствующего исполкома).

В случае ликвидации комитета все его имущество поступает в распоряжение Гл. Упр. местами заключения Республики.

Порядок выдачи разрешений на совершение религиозных обрядов.

НКВД разъяснил (12/II—25г.), что на точном основании ст. 5 декрета об отделении церкви от государства и ст. 31 инструкции НКЮ от 25/VIII—1918 г. право выдачи соответствующих разрешений на совершение указанных обрядов принадлежит местной власти, т. е. сельсовету, если обряд совершается в пределах одного села, волносполкому, если совершение обряда охватывает два или несколько сел, и уездному управлению милиции и губадмодделу, если обряд совершается и уездном или губернском городе.

Указанный порядок выдачи разрешений может быть изменен лишь в особо исключительных случаях (эпидемия и т. п.) мотивированным обязательным постановлением ГИК

Порядок переезда агентов милиции по жел. дор. и водным путям.

По разъяснению НКВД, органы милиции не пользуются правом бесплатного провоза своих агентов по железнодорожным и водным путям сообщения. Всякое нарушение этого правила влечет за собой взыскание с тех милицеевских объединений, агенты которых бывают обнаружены без проездных билетов, не только установленной проездной платы, но и положенного штрафа, на основании ст. 21 устава ж. д. и приказа по Милиции Республики 1923 г. за № 115 и всех дополняющих его распоряжений. НКВД предложил местам (ц. № 74 от 22/II—25 г.) принять необходимые меры к прекращению переездов милиционеров без покупки железнодорожных (пароходных) проездных билетов, руководствуясь в части, касающейся взыскания необходимых средств на поездки, указаниями п. 2-го циркуляра ЦАУ НКВД 1924 г. за № 151.

Ответственность за непредставление к регистрации кол- договоров.

По инициативе местных органов НКТ некоторые губисполкомы издают постановления о привлечении к ответственности хозорганов за непредставление к регистрации коллективных договоров и тарифных соглашений. Между тем, привлечь нанимателя к уголовной ответственности нет никаких оснований, если только коллективный договор не содержит нарушения закона. В виду этого НКТ разъяснил местам, что привлечение к уголовной ответственности за непредставление коллективных договоров на регистрацию не может иметь места.

Кодификация законодательства по социальному обеспе- чению.

НКСобес приступил к разработке Кодекса законов о социальном обеспечении, а также пересмотру и систематизации всего материала, касающегося государственного обеспечения, трудового устройства инвалидов и крестьянской взаимопомощи, с использованием для сего всего имеющегося законодательного, циркулярного и инструкционного материала о пенсионном обеспечении контингента Собеса, трудовом их устройстве и о крестьянских обществах взаимопомощи.

Вступление в состав двора новых членов.

НКЗем по вопросу о вступлении в состав двора новых членов дал разъяснение (№ 178/34—20/III—25 г.) следующего содержания.

В случае вступления кого-либо из членов двора в брак супруг или супруга этих членов двора тем самым становятся членами того же двора. Ни согласия земельного общества, ни согласия других членов двора для вступления в состав двора новых членов по браку не требуется. При производстве регистрации таких членов двора в подворных списках (по ст. 78 Зем. Код.) сельские советы не вправе требовать представления доказательств согласия на то двора или общества.

Если лицо, вступившее в состав двора по браку, имеет при себе к моменту вступления в брак несовершеннолетних детей, последние также признаются членами двора, в который вступает по браку их мать или отец, независимо от согласия земельного общества или других членов двора.

Для вступления в состав двора новых членов не по браку, а на основании приймачества, необходимо, во-первых, согласие всех полноправных членов двора и, во-вторых, согласие земельного общества.

Сельские советы, производя регистрацию приймаков в подворных списках (ст. 72 Зем. Код.), обязаны удостоверяться в соблюдении названных требований.

В тех случаях, когда по обстоятельствам хозяйства приймачество является единственным средством выжить из длительных затруднений и наладить хозяйство, обеспечив его рабочую силой (напр., когда двор состоит из престарелых и малолетних лиц), а между тем, земельное общество не дает согласия на вступление в состав двора новых лиц по приймачеству, заинтересованные лица могут предъявить иск к земельному обществу о допущении приймака в общем порядке рассмотрения земельных споров в земкомиссиях.

Недопустимость обращения взыскания на членские взносы в обществах взаимного кредита.

НКФ РСФСР по согласованию с НКЮ РСФСР разъяснил (раз. № 551—25 г.), что обращение взыскания третьих лиц на членские взносы о-в вз. кр-та не может иметь места, так как с момента взноса членский взнос обезличивается, обращается в капитал о-ва и, как таковой, члену более не принадлежит.

Член о-ва взаимного кредита имеет по отношению к о-ву лишь право требования, а именно, право на получение причитающейся доли дивиденда, поскольку таковая свободна от обращения на нее взыскания.

Обращение взыскания может быть допущено на дивиденд, могущий причитаться члену о-ва, как сумму, непосредственно принадлежащую наймику, которая и должна быть выдана третьему лицу в момент выдачи дивиденда, если таковой свободен от обращения взысканий на него в порядке § 13 устава, в порядке зачета (ст. 129 Гр. Кодекса), в порядке права привилегированного требования (ст. 101 Гр. Кодекса) и проч.

Непосредственное обращение взыскания не должно распространяться на членские взносы о-ва.

Обращение взыскания непосредственно на суммы, причитающиеся члену от о-ва в возврат внесенного ими членского взноса, может иметь место, согласно уставу, только в том случае, если в о-во поступит заявление члена о выходе его из состава о-ва или при переходе его прав к законным преемникам в порядке наследования, несостоятельности и пр., почему обращение взыскания третьего лица на так-наз. пай не может влечь за собой обязательного отчисления члена из числа членов о-ва и не может освободить членского пая для свободного обращения на него взыскания третьих лиц.

Конкуренция труда заключенных.

НКТ обратился в Главное Управление местами заключения с письмом по поводу наблюдаемой конкуренции труда заключенных. НКТ считает совершенно недопустимой такую конкуренцию с работающими по вольному найму в условиях существующей безработицы. Условия для развития этой конкуренции, указывает НКТ, очень благоприятны: труд заключенных значительно выгоднее для нанимателей, так как нанимателю не приходится платить страховых отчислений за труд заключенных, вносить отчисления на культуру и т. д. Наконец, ставка заключенного значительно ниже зарплаты работающего по вольному найму, составляя приблизительно две трети ее. Все это приводит к вытеснению труда вольнонаемных рабочих из тех отраслей производства, где находит себе применение труд заключенных, а это может вызвать вполне справедливое недовольство безработных.

По сведениям НКТ, вытеснения труда вольнонаемных рабочих трудом заключенных происходит не только в области тяжелых, вредных и плохо оплачиваемых работ. На местах борьбе с безработицей часто наталкивается на сопротивление исправительных домов.

НКТ считает возможным участие мест заключения в соревнованиях на подрядные работы лишь в тех случаях, когда в числе соревнователей нет вольнонаемных рабочих или когда последние почему-либо отказываются от подряда.

По автономным республикам.

Исправительно-трудовая политика НКЮ Татарской ССР.

В 1924 г. нарсудами осуждено: к штрафу 61%, к принудработам 21%, к усл. лиш. свободы 10%, к лиш. свободы 7%, проч. 1%.

При сопоставлении этих цифр с цифрами 1922 г. получается следующий весьма характерный вывод: в 1924 году стала гораздо чаще применяться мера наказания в виде штрафа (в 1923 г.—35%, в 1924 г.—61%), увеличившись за счет принуд. работы, фактического лишения свободы и рубрики «прочих»; принудработы, хотя по-прежнему среди всех мер наказания занимают второе место, но они снизились с 35%—1923 г. до 21%.

Следовательно, данные указания о необходимости отказываться от принудработ, как наказания, трудно проводимого в жизнь, и заменять его штрафом были приняты нарсудами ТССР к руководству и исполнению.

Анализ цифр 1923 г. и 1924 г. о фактическом и условном лишении свободы обнаруживает, что в 1923 г. лишение свободы фактически стояло среди прочих наказаний на третьем месте и к этому наказанию было приговорено 13% всех осужденных; теперь же, в 1924 г., фактическое лишение свободы уступило 3-е место условному лишению свободы.

Сравнение 1923 и 1924 гг. дает возможность сказать, что испр.-труд. политика нарсудов в настоящее время приобрела в классовом отношении более правильный и соответствующий общему духу нашего законодательства характер. Но, конечно, и здесь бывают ошибки. В большинстве, эти ошибки состоят в том, что нарсуды иногда «пересаливают» и дают чересчур высокую меру наказания (бывает, что дают очень низкую меру наказания, но это случается гораздо реже).

Такие дела на 99% кассируются, и здесь неправильный приговор исправляет уголовно-кассационная коллегия главсуда, которая такой приговор или отменяет совершенно, или же, утверждая его, снижает очень значительно определенное приговором высокое наказание.

Хотя общее направление исправительно-трудовой политики дают нарсуды, так как через них проходят 85% уголовных дел (напр., за 1924 г. в производстве главсуда было 2586 уголовных дел, а в нарсудах около 40.000), но необходимо особо остановиться на исправительно-трудовой политике главного суда ТССР, как суда со специальной задачей, разбирающего наиболее важные и, следовательно, наиболее опасные для правопорядка преступления.

За 1924 г. главсудом было осуждено 976 человек. По социальному положению среди этих осужденных крестьян—605 человек (62%), рабочих—74 человека (8%), совслужащих—205 человек (21%), прочих—92 человека (9%).

Таким образом, преступников из рабочих и крестьян перед главсудом проходит только 70%, тогда как перед нарсудами—80%.

Но цифра действительно рабочих и крестьян, проходивших как осужденные в главсуде, должна быть снижена минимум на 10%; очень многие преступники скрывают свое действительное происхождение. Правильно будет сказать, что настоящих рабочих и крестьян перед главсудом проходит только 60%, тогда как в нарсудах—80%, а прочего элемента в главсуде проходит 40%, тогда как в нарсудах только лишь 20%.

Преступления, за которые осуждены главсудом, значительно разнятся от преступлений, с которыми имеют дело народные суды.

В народных судах распределение осужденных по категориям совершаемых ими преступлений за 1924 г. в процентном отношении таково:

Преступления против порядка управления 47% (из них самая важная и большая категория дел лесопорубка и дела по неуплате с.-х. налога), хозяйственные преступления 31% (на 99%—дела самогонные), преступления против правил, охраняющих здоровье и публичный порядок,—7%, имущественные преступления 7%, преступления против жизни и здоровья 5%, должностные преступления 1½%, прочие 1½%.

В главном же суде ТССР распределение осужденных по категориям преступлений дает совершенно другую картину. Осужденных 976 чел.: за преступления против жизни и здоровья—43% (434 чел.), должностные преступления—24% (237 чел.), имущественные преступления—19% (183 чел.), против порядка управления—6% (54 чел.), преступления контр-революц.—4% (35 чел.), прочие 4% (33 чел.).

Таким образом, в главсуде проходят преступления, представляющие сравнительно небольшую социальную опасность.

Это обстоятельство также должно было учитываться главсудом в его исправительно-трудовой политике. Подтверждается ли это цифрами?

Цифры осужденных главсудом за 1924 г. с распределением по мерам наказания таковы: осуждено 975 человек, из них приговорены: к лишению свободы (фактически и условно)—958 ч. (99%), к расстрелу—18 ч. (1%), (в отношении расстрела таковой в 13 случаях был самим судом заменен лишением свободы на 10 лет, одному осужденному расстрел был заменен лишением свободы Верховным Судом РСФСР и 4 приговора было приведено в исполнение).

Из числа осужденных к лишению свободы (958 человек) было осуждено условно—288 человек или 30%; из числа тех же 958 чел. было поражено в правах на сроки от 1-го года до 5-ти лет—144 чел. (15%); амнистия была применена полностью к 141 осужденному (15%) и частично в отношении 188 чел. (16%).

Ясно, что главсуд вполне учитывает классовую задачу суда и правильно проводит свою карательную политику, исходя из социального положения осужденных и степени опасности совершаемых ими преступлений. Этот вывод подтверждается сведениями о кассированных в Верховный Суд РСФСР делах уголовного отдела главсуда и его выездных сессий.

Из рассмотренных уголовным отделом и выездными сессиями по существу 597 дел было кассировано 130 дел или только 14%. Процент кассации низкий.

Это малое число кассированных дел само по себе уже говорит за правильность налагаемых главсудом наказаний.

В результате кассаций (имеются сведения по 113 делам) утверждено—98 дел (84%), отменено и прекращено 15 дел (16%), при чем по утвержденным делам было снижено наказание лишь в 15 случаях; следовательно, и Верховный Суд признает налагаемые главсудом наказания вполне классово-выдержанными.

Моментом, определяющим правильность или же неправильность исправительно-трудовой политики, является также применение судом амнистий и постановлений об условно-досрочном освобождении.

В силу амнистии и особого востановления ВЦИК были освобождены в подавляющем большинстве рабочие и крестьяне в незначительное количество лиц прочих социальных

категорий, что свидетельствует о том, что цель этих амнистий была усвоена и проводились они в жизнь также классово-целесообразно.

Следующим моментом, до некоторой степени определяющим исправительно-трудовую политику, является предварительное содержание под стражей до разбора дела. В этом направлении НКЮ ТССР неоднократно целым рядом циркуляров требовал чрезвычайно осторожного подхода к избранной в качестве меры пресечения уклонения от следствия и суда содержанию под стражей.

Однако, следует зафиксировать, что число предварительных заключенных по ТССР довольно велико, так, напр., на 1 января 1925 г. количество следственных заключенных по г. Казани равно 219 человек.

Цифра эта была некоторое время тому назад много выше, но теперь она благодаря принятым мерам уменьшается; значительное влияние оказывает тот факт, что следственный аппарат, так же, как и аппарат судебный, сокращен в ТССР до крайности, разбор дел не может идти так интенсивно, как это было бы необходимо, и поэтому часто осужденные сидят до окончания следствия или даже до разбора их дела в суде.

К освобождению следственных арестованных надо тем не менее подходить очень внимательно, так как могут быть случаи, и такие факты наблюдались даже в недалеком прошлом, что большое число преступников, освобожденных из-под стражи, до суда скрылись.

Предварительное содержание под стражей может быть регулировано центральной прокуратурой ТССР, но тут возможны и ошибки.

С мест из кантонов говорили, что иногда крестьянин совершил самое незначительное преступление, напр., простую мелкую кражу, но в селе он является нетерпимым членом общества, замечен в различных в благовидных проступках и сельское общество прямо требует, чтобы он был за эту кражу посажен немедленно и просидел хотя бы две-три недели.

Следователь под влиянием общественного мнения такого преступника сажает, пом. прокуратура кантона соглашается, а центральная прокуратура ТССР дает предписание его освободить.

Таким образом, как бы на месте иногда бывает виднее, целесообразно или же нет лишить свободы данного преступника до рассмотрения его дела.

Этот взгляд на с'езде подвергся критике; его, с одной стороны, нельзя не признать правильным, а с другой стороны, прокуратура ТССР стоит на той точке зрения, что заключение под стражу не может быть применено вопреки определенным и строгим нормам закона в угоду общественному мнению, как фактору часто ошибочному, имеющему в древне своей основой личные счеты *).

Каковы результаты той исправительно-трудовой политики, которая выше очерчена, уменьшается ли в ТССР преступность или нет, поскольку судебное воздействие имеет влияние на уменьшение числа преступлений, так как в основном ясно, что преступность определяется экономическими факторами?

Для суждения об этом НКЮ имеет цифры 1921, 1922, 1923 и 1924 г.г.

Соотношения уголовных и гражданских дел, прошедших за эти годы, таково:

1921 г. уголовных дел—49125 (75%), гражданских—15253 (25%); 1922 г. уголовных дел—46172 (68%), гражданских—21213 (32%); 1923 г. уголовных дел—

39174 (63 %), гражданских—23315 (37 %); 1924 г. уголовных дел—41225 (63 %), гражданских—24000 (37 %).

Таким образом, общая линия к уменьшению поступления уголовных дел сравнительно с делами гражданскими выражена этими цифрами довольно ясно, за исключением 1924 г., указывающего на приостановку снижения преступности в ТССР.

Если взять в абсолютных цифрах поступление уголовных дел за 4 последних года, то также, начиная с 1924 г. по 1923 включительно, число уголовных дел уменьшается, за исключением 1923 г., в котором число уголовных дел хотя и меньше их числа за 1921 г. и 1922 г., но больше, чем в 1923 г., что уже определенно говорит, что преступность в ТССР в 1924 г. по сравнению с 1923 г. возросла, хотя и очень незначительно.

Для ответа на то, насколько это увеличение преступности опасно, необходимо проанализировать, за какие преступления были осуждены в 1923 году и в 1924 г.

В 1923 г. осуждено: за преступления против порядка управления—9180 чел., за преступления хозяйственные—7184 чел., за имущественные преступления—2975 чел., за преступления против правил, охраняющих народное здравие и публичный порядок,—1717 чел., за преступления против жизни и здоровья—1625 чел., за должностные преступления—869 чел. В 1924 г. осуждено: за преступления против порядка управления—22252 чел., за преступления хозяйственные—14267 чел., за преступления против жизни и здоровья—2196 чел., за преступления против правил, охраняющих народное здравие и публичный характер,—2135 чел., за имущественные преступления—1927 чел., за должностные преступления—419 чел.

При сравнении этих цифр обнаруживается, что громадный рост осужденных в 1925 году имеется по преступлениям против порядка управления (в 1923 году—9180 человек, а в 1924 г.—22252 чел.) и по преступлениям хозяйственным (в 1923 г.—7184 человек, а в 1924 г.—14267 чел.). Эти же преступления на 99% состоят из самогонных преступлений, лесопорубки и неввоза сельхозналога, т.-е. преступления эти, за исключением последней категории, не могут считаться опасными и рассматриваются теперь даже не как преступления, а как проступки, и большинство таковых дел взято из подсудности нарсуdivов и передано для наложения по ним взыскания в административном порядке. Таким образом, то увеличение преступности, которое мы выше констатировали, ни в каком случае не может считаться опасным явлением.

В заключение важнейшие цифры о заключенных, содержащихся в домах заключения ТССР на 1 января 1925 г. Всего заключенных—1546 чел.

Из общего числа 1546 чел. срочных заключенных—1193 человека, следственных 312 человек, пересыльных—41 человек.

Заключенные по их социальному положению подразделяются: крестьян—937 чел. (60%), рабочих—475 чел. (30%), прочих—134 чел. (10%).

По национальности: русских—967 чел. (63%), татар—508 чел. (33%), прочих—71 чел. (4%).

Отбываемые сроки наказания: лишение свободы до 6 мес.—405 чел. (34%), лишение свободы до 1 года—302 чел. (25%), лишение свободы до 3 лет—316 чел. (26%), лишение свободы до 5 лет—170 чел. (15%).

Осужденные, главным образом, отбывают наказания за преступления против жизни и здоровья (убийство, тяжкие телесные повреждения), за должностные преступления, за крупные имущественные преступления и, наконец, за хозяйственные преступления, из которых большее число—за частную варку, сбыт и хранение самогона.

*) Вопрос исчерпывается изменением ВЦИК'ом и СНК ст. 158 УПК (С. V., 1925 г. № 13).

НА МЕСТАХ.

Ближе к деревне.

Этот лозунг не только практически углубить. На деле закрепить нашу связь с деревней. Так его понимают и проводят в жизнь судьи и работники Мещанского уезда Тамбовской губ. Сблизившись на очередное совещание в конце марта вместе с избачами, прокуратурой и волостными работниками милиции, подвели они итоги проделанной работы в деревне.

Доклад о работе в деревне вызвал оживленные прения. Места отметили жизнеспособность и своевременность директив центра о ликвидации правовых неграмотности вообще и об организации бесплатной юридической помощи населению, в частности. Деревня темна. Слабо пользуясь революционной законностью, она стонет от произвола помещиков и „блокатов“, которые толкового ничего дать не могут и своими советами искажают основные законы советской власти в глазах широкого слоя крестьянства. Были случаи, когда подписанные «аблокаты» за различного рода „услуги“ получали от населения землю и сады, заблаживали отдельных крестьян в батраки. Борьба с этим злом должна быть совместная и штабом борьбы останется избачитальня. Так сказали места.

Из докладов с мест выяснилось, что юридические справочные бюро организованы при всех 34-х избачитальнях. Бюро на селе пользуются авторитетом и в особенности среди бедняцкого элемента. Установлены ежедневные дежурства. Работа ведется при участии работников суда и милиции, а также и защитников. За время организации деревенские справочные столы дали 2781 советом, из них 1244 письменных и 1537 устных, главным образом, по вопросам земельным спорам, по налоговым делам, по делам, находящимся в производстве судов, а также и другого рода справки, касающиеся агромашии и т. п.

Сдано 18 докладов на различные темы, имеющие характер популяризации нашего законодательства. Если все это сопоставить с 350-тысячным населением деревни, то покажется маловато. Но лед тронулся.

Одно из серьезных препятствий — отсутствие юридической литературы и догвозна последней. Связь с губцентром теплей только надидлась хоше. Ци куля бы не могут заменить живого слова, а шест му губуду также нужно крепить связь с деревней.

Выступления товарищей с мест имели оптимистический характер. Речи скреплены уверенностью, что общими усилиями мы ускорим ход работы в деревне. Оглядим на деле лозунг „лицом к деревне“. Лед тронулся. Нужен напор.

Рабкор Устюжнев.

Уездное совещание работников юстиции, милиции и народных заседателей гор. Калачинска.

В г. Калачинске Омской губернии в феврале с. т. состоялось уездное совещание работников юстиции, милиции и народных заседателей г. Калачинска. В повестке дня стояло:

Доклады с мест нар. судей, следователей, нач. раймилиции и нач. адм. отдела.

О задачах почетарского суда, правах и обязанностях нар. заседателей.

Доклад об юридической помощи населению.

О работе расширенного пленума Омгубсуда, состоявшегося 22—25 декабря 1924 года, и о карательной политике.

Доклады с мест выяснили некоторые дефекты на местах. Недоволенность нарсудов с нач. милиции создавала друг другу излишнюю работу: нарсуды переправляли заявления в порядке частного обвинения для производства дознания, где его совершенно не требовалось, нач. милиции принимали заявления чисто гражданского характера и производили по ним дознания. В результате совещания дефекты устранены.

В докладах с мест было также отмечено, что работа в нарсудах томится невялкой на заседании в судебное заседание за невыплатой последних суточных, особенно указывалось на плохое снабжение юридической литературой. Обсудив детально вопрос, совещание постановило: строго соблюдать классовый принцип, периодически выезжать на места для разбора дел и при каждом выезде нарсудей созывать на совещание нарзаседателей и информировать их, а также и местных крестьян, о задачах почетарского суда и о правах и обязанностях нарзаседателей. Этим вопросом заинтересовались нарзаседатели, и по докладу задавалось много вопросов. По докладу об юридической помощи населению совещание постановило о выезде на места член в коллегии защитников для оказания юридической помощи населению, особенно беднякам, бесплатно.

Т. Голубев.

Совещание работников юстиции гор. Новоузенска.

В городе Новоузенске Саратовской губернии 12—14 апреля с. г. состоялось совещание судебных работников Новоузенского уезда. Повестка дня: Доклад губсуда. Доклад уездного губсуда. Доклады с мест. Работа в деревне. Юридическая помощь населению. Переборы и доборы советов и текущие дела.

Усовещание прошло под лозунгом „лицом к деревне“. Совещанием отмечены недостатки в работе губсуда, при этом высказано пожелание собрать губуездное совещание работников юстиции.

Совещание постановило: усилить общественную работу судьи и следователей среди крестьянских масс вообще, в первую очередь уделить максимум внимания при переборах и доборах в советы, выезжая в совхозы и женщины. Усилить работу по самообразованию работников юстиции и органов дознания на местах путем расширения деятельности юридической кузков, где таковые имеются, где нет, создать их. Усилить работу консультационных юридической бюро, широко популяризовав таковые среди крестьянских масс путем выездов на места для оказания помощи населению юридической помощи, тем самым ликвидируя юридическую неграмотность среди крестьянства. Устраивать показательные процессы среди крестьянских масс с привлечением представителей прокуратуры.

А. Лобачев.

Совещание работников юстиции Мелекесского у. Самарской губернии.

17—19 марта работники юстиции Мелекесского уезда Самарской губ. провели уездное совещание.

Совещание для местных работников было особенно ценным, потому что в нем приняли участие ревизоры губсуда, только что обехавшие уезд.

Первым был вопрос о революционной законности в деревне. Совещание отметило особую роль судьи и следователя в условиях деревенской глуши и должно решило принять на свои плечи всю тяжесть работы и борьбы с разгильдяйством и самодурством, проводя ее путем популяризации идей созаконодательства в среде крестьянства через единственный культурный очаг деревни—школу-читальню.

Совещание обсудило затем вопрос об исправительно-трудовой политике. В целях достижения большего воспитательного значения приговоров совещание нашло нужным чаще применять ст. ст. 28 и 3 Уг. Код., пересмотреть линию поведения в отношении утверждения лишения свободы, как меры пресечения, принимаемого органами дознания, и соблюдать в этом вопросе строго классовый принцип, стремиться к сокращению срока прохождения дела от возникновения до вынесения приговора.

Особенно горячо дебатировался вопрос о взаимоотношениях следственных органов между собою и с органами дознания.

Совещание высказалось за организацию вокруг избывающих кружков, оказание постоянной юридической помощи, изучение советского права, втягивание в работу трудовой сельской интеллигенции.

Ревизоры губсуда сообщили о всех замеченных ими при производстве ревизий ошибках в процессуальной стороне работы судов. Совещание обсудило их всесторонне. Особенно это было ценно потому, что каждый не только читал в акте свои ошибки, но слышал их, слышал ошибки других, узнавал их причины, а это гораздо ценнее актов.

Последним вопросом был вопрос о работе с паразитами. Установлено, что до сих пор работы не ведется. Известно внеочередной задачей провести работу по директивам губсуда и Наркомюста.

П. Лагунов.

БИБЛИОГРАФИЯ.

М. Ираши—«Народный суд в деревне». Изд. Госиздата, 1925 г., 20.000 экз., стр. 48, ц. 10 к.

Последнее время стали появляться книжки, цель которых—популяризация советского права в деревне.

Нужда в такой популяризации огромная, и когда встречаешь такую книжку, напечатанную крупным шрифтом, стоящую очень недорого (10—15 коп.), то первое впечатление всегда бывает хорошее. С таким, примерно, чувством мы подошли к книжке «Народный суд в деревне»—Ираши.

Как же автор этой книжки справился со своей задачей и что он дал ценного нашему крестьянину?

Крупный недостаток, что автор в погоне за популяризацией прибегает к глубокой подделке под мужицкую речь. Эта первая ошибка, так как популяризация вовсе не состоит в том, чтобы выхватывать из деревенской речи своиственные малограмотной массе неправильности языка.

Однако, автор, из всех сил стараясь подделаться под народную речь, местами бывает даже смешон, например: «Судью нам прислали не как обыкновенно бывает мужского, а прямо женщину».

Или, говоря о женском международном дне работниц, автор употребляет выражения «бабий праздник» или «в этот бабий день дали им амнистию, т. е. прощание их бабьих дел».

На стр. 40 мы находим такие перлы: «Подала Ванчикина иск на проком законного своего рсбенка к мужу», и далее—«Дад на бабам привилегия на рсбит искать, чтобы тебе от них не сздить, да и по бедности где сидишь, где живешь, там и судись. Облегчение всей механики».

Вот такого рода выражениями и словечками уснащена вся книжка. Грамотный крестьянин так не говорит. Какая надобность культивировать все неправильности речи, с которыми можно мириться, когда они непосредственны, но совершенно недопустимы, когда эта своеобразная речь является глубоким присом с целью придать книжке народный характер?

Воспитательное значение этой книжки не лучше, чем ее стиль. Пригодится случай расправы в деревне за кражу махорки. «Вор»—мальчишка 17 лет из деревенской бедноты. Дадим слово автору: «Стащили оттуда (с печки)

Егора: «Где табак?»—«Какой табак, дяденька?» Ревел. «Ну, едем к милиционеру, нечего тут разговаривать, там покажут какой-то табак». «Где табак?»—опять кричит Алексей (потерпевший от кражи). Сознался Егор, что половину продал, а другая цела, в сундуке у матери. Связал Алексей вору руки назад, запряг лошадь, надел Егору на шею за веревку зобеньку с остатками табаку, привязал его сбоку к оглобле, а на грудь бумажку нацепил: «Вор». Сел Алексей в сани и верет 6 по деревне гонял. Народ бежался. Алексей еще погресмок к дуге привязал. Часа два гонял. Потом распряг лошадь, вора отпустил, остатки табаку ему отдал, а сам спать лег. На вора подавать не стал, думает: «сам поучил». Да только Егор с матерью подали на Алексея, и вышло у него уголовное дело по 157 ст., часть вторая».

«Вызвали всех их в суд. Никак Алексей не может своей вины понять: «Я, говорит, не хотел его судить, поучить думал.—«Да не твоё дело учить, на то есть суд. Надо жаловаться. Нельзя самому учить, да еще человека к лошади подпрягать».—Бился, бился с ним судья—не понимает. А жалко нам осудить Алексея, не дьет, не денглей и налоги аккуратно платит».

«У Егора никаких повреждений не оказалось, и решили мы пустить дело по 103 статье Уголовного Кодекса. По этой статье можно наказать штрафом не более, чем на 50 рубль. Алексей мужик темный, неграмотный, шестеро детей, мал-мала мненье».

Осудили мы его за самоуправство и оштрафовали только на 25 руб.».

Значит, можно, по мнению Ираши, человека привязать к оглобле, гонять два часа рядом с лошадью и отвечать только за самоуправство. Мы знаем, что в деревне еще много темноты, мы вовсе не требуем суровой меры репрессии для этого темного крестьянина из бедноты, имеющего шестеро малолетних детей. Однако, нельзя в приговоре назвать это преступление только самоуправством, как автор говорит: решили «пустить дело по 103 ст. У. К.». Как будто наш суд—это какая-то машина, и для получения того или иного результата требуется «пустить» по той или другой статье.

Старый уклад жизни в семье, закабаленность ее членов—бытовое явление деревни. Для народного суда борьба

со старым бытом—благодарное поле деятельности. Раз'яснить широким массам трудящихся в процессе судебного разбирательства своими решениями все наши законы, укрепляющие личность в обществе, в браке, в семье,—вот, что должен делать суд.

А не поддаваться под деревенские настроения и поощрять дикую расправу «закопной» жены над своей соперницей, как это делает автор этой брошюры. Вот изложение автора:

«В селе Кочережках проживала Стеша Кочеткова. Был ее муж сначала портной, по дворам ходил, а как побывал в Красной армии, от дому отбилсь, служил в Ленинграде». «И завел он себе в этом самом Ленинграде любовницу форсистой».

Перед судом «законная» жена, зверски расправившаяся со своей жертвой: «Затопила Стеша печку, будит Аннушку («Любовницу»). «Пойди-ка, мол, я тебе что скажу». Только Аннушка нагнулась, как «Степанида ее топором по шее, как размахнулась, так голову напрочь и отрубила».

На суде автор диктует Степаниде такие слова:—«Убила, а не признаю виновной: она из меня крови три ушата вылила. Что же, что убила? Эта—смерть легкая. А она меня, сука, мучила два года. Кровь мою выпила. Кабы можно и второй раз убила бы.»

И в результате к ней применена амнистия, так как «Кочеткова хорошая гражданка и хозяйка.»

С большим удовлетворением автор отмечает—«И вышла наша Стеша свободной».

Мы не жалеем, что Стеша на свободе, но остается сожалеть, что популяризация советского права столь неумело проводится, что такое тяжелое явление деревенской жизни, как описываемый факт зверского убийства, не осуждается автором. Возмездие убитой по заслугам—такой вывод напрашивается у читателя. Она—«любовница», а муж Стеши «гуляющий мужик сам вызвал ее на убийство».

Все подсудимые у автора уходят безнаказанными потому, что аккуратно платят все налоги. Можно ли так подходить к вопросу—уплатил налог, а затем петляй, убивай, и наказания не будет. Это фантазия автора.

Интересно автором изображается роль прокуратуры в нашем уголовном суде.

«После всех свидетелей стал прокурор говорить. Старался, ручкой махал, расстраивался, даже сказать хотелось: «не расстраивайся, сынок», требовал строгого наказания, на статьи ссылался. «У нее,—говорит,—нет раскаяния. Вы посмотрите,—она природная преступница—глаза каменные, холодные, злоба в них».

Изобразить пролетарского прокурора, чаще всего рабочего от станка, каким-то ослабленным интеллигентом, не умеющим разобратся и подойти с классовой точки зрения—«ручкой махал», «расстраивался»—это либо не понимать существа его работы, либо умышленно искажать.

Допускаем первое.

В книжке есть и юридические недочеты такого рода. Дела в кассационной инстанции у него всегда разбираются в отсутствие кассаторов. Автор пишет об этой стадии процесса так: «Месяца через два пришло уведомление в наш суд, что губсуд утвердил решение персуда».

Губсуд в порядке кассационном, по мнению автора, интересуется лишь тем, правильно ли судил судья по указаниям свидетелей и документам, какие у него были перед глазами: следить надо, всех ли свидетелей судья вызвал, все ли повестки получили, если повестки не получили, то почему не отложил дело, вообще исключительно моменты формальные. Только вот за этим следит губернский суд. Если судья все это исполнил, то губсуд с ним согласится в решение утверждает.

А неправильное применение законов, а нарушение ст. 4 ГПК? Правила нашего кассационного производства автору надлежало более толково раз'яснить.

Это очень важно. Крестьянин должен знать, что кассационная инстанция у нас вовсе не только формальная машина, и можно жаловаться на неправильности решения даже в тех случаях, когда все свидетели были допущены и с внешней формальной стороны все обстоит благополучно, а решение все же несправедливо, но соответствует классовой линии и т. д.

Автор неизменно употребляет слово «тюрьма». Между тем, ему должно быть хорошо известно, что тюрьмы были в царской России, что у нас они заменены исправительно-трудовыми домами, исправительными сельско-хозяйственными колониями.

Все это недопустимые ошибки.

Мы потому так подробно останавливаемся на разборе этой брошюры, что она принадлежит к числу книг популярных, имеющих назначением обслужить широкие крестьянские массы.

Однако, крестьянину нужна совсем другая популярная правовая литература, нужна популярное изложение наших законов, но сведения крестьянин должен почерпнуть ясные и точные, а марксистская линия в этих книжках должна быть выдержанная. Книжки вроде этой, кроме путаницы и вреда, по нашему мнению, ничего принести не могут.

Надо отметить, что самое изложение у Ираши живое и занимательное.

Жаль, что автор не сочетает этих хороших качеств с правильным политическим подходом и чувством меры.

Р.

Проф. В. Кобалевский. Очерки сов. адм. права. Госиздат Укр., 1924 г., 258 стр. 5.000 экз. I р. 25 к.

В. Кобалевский поставил своей целью дать краткое руководство по основным вопросам сов. адм. права, «выяснить основные правовые принципы, заложенные в сов. адм. праве» (стр. 6.) Судя по такому широкообещающему предисловию автора, читатель ожидает, что он ознакомится, прежде всего, с системой Сов. адм. права. Однако, он жестоко разочаруется. О системе адм. права не сказано ни слова. К чему же было обманывать читателя заявлением в предисловии, что автор дает краткое руководство по основным вопросам сов. адм. права? Автор нигде не указал, что он ни одного слова не говорит о всей так называемой особой части адм. права (за исключением Земельного и Лесного Кодексов, законодательства о трестах, синдикатах и смешанных акционерных обществах, профсоюзах и кооперации (с организационной точки зрения)).

В. Кобалевский неизвестно, по каким основаниям, совершенно пропускает из общей части адм. права: 1) обыски и выемки, 2) исполнение за счет обязанного, как нормативные принудительные полномочия адм. власти. Он ни слова не говорит о мерах борьбы со стихийными бедствиями, о правилах по борьбе с социальным паразитизмом (за исключением борьбы с проституцией), основные правила которой совершенно искажает. Если установить систему В. Кобалевского по оглавлению его «Очерков» и по отрывочным отзывам в тексте о различных буржуазных административистах, то можно выяснить, что В. Кобалевский жемает причислить себя к последователям немого догматика Отто Майера.

Однако, в своей системе он делает чересчур большие пропуски. Он ни слова не говорит о дотерях и публичных сборах, о ЗАГС'е, об отделении церкви от государства, о шествиях и манифестациях, о санитарной и медицинской

деятельности Сов. Республики, о Ветеринарном уставе, о просветительной деятельности государства (несмотря на существование украинского Код. зак. о народном просвещении 1922 г.), о почте, о телеграфе, о телефоне, о Кодексе законов о труде.

Когда пропущены эти вопросы, которым посвящены или отдельные уставы (ветеринарный, жел. дор.), или даже кодексы (Наркомпрос. АГС, труд.), можно ли говорить, что автор дал хотя бы краткое руководство по основным вопросам сов. адм. права? Безусловно, нет. Если бы автор изложил свои взгляды на систему сов. адм. права, открыто заявил бы, что он излагает лишь меньшую половину сов. адм. права, то, что входит в его общую часть (организация, формы деятельности, адм. юстиция),—это более отвечало бы содержанию его «Очерков».

Однако, если подойти с этой точки зрения, то в «Очерках» В. Кобалевского окажется много недостатков. Если он не дает никакого понятия о системе сов. адм. права, то он делает еще хуже, когда к формам сов. адм. деятельности относит «указ». О дисциплинарной ответственности должностных лиц, о дисциплинарных взысканиях, о дисциплинарных судах В. Кобалевский не говорит ни одного слова, несмотря на то, что эти вопросы входят в общую часть сов. адм. права.

В. Кобалевский знает лишь три категории конфискации: 1) конфискацию, налагаемую уголовным судом, 2) конфискацию с целью принуждения осуществить ведение закона об изъятии того или иного имущества из частного обладания и 3) конфискацию в адм. порядке, как способ побудить граждан к выполнению установленных в законе обязанностей путем отобрания у них того имущества, которое послужило основанием данного правонарушения (стр. 202—203.)

Родовые понятия конфискации: 1) по суду, 2) в адм. порядке, В. Кобалевский приравнивает к видовым. Можно было говорить лишь о двух родовых понятиях конфискации: 1) по суду, или 2) в адм. порядке, а различные виды конфискации в адм. порядке нельзя было приравнивать к родовому понятию, к конфискации по суду. Кроме того, В. Кобалевский пропускает конфискацию в адм. порядке всего имущества лиц, добровольно ушедших с враждебными советской власти войсками. Этот вид конфискации не подходит под признаваемые им три категории конфискации. Не упоминает он и о своеобразном виде конфискации имущества концессионных предприятий, ограниченной концессионным договором.

Вслед за буржуазными административистами, В. Кобалевский утверждает, что реквизиция, как адм. акт, не имеет двустороннего характера (стр. 199.) Такое мнение безусловно не правильно. Лишь реквизиция частного имущества, в качестве общего правила, действительно является односторонним актом, который не зависит от согласия частного лица. Но сов. адм. право знает реквизицию, как договорный акт, зависящий от согласия частного лица: при реквизиции имущества концессионных предприятий реквизиция приобретает черты двустороннего договора.

Подписывая концессионный договор, частные лица (концессионеры) заранее дают сов. власти свое согласие на реквизицию их имущества, указывая в концессионном договоре случаи и порядок реквизиции.

Для чего в «Очерках» сов. адм. права нужно было говорить о «полицейском» аресте, о преследовании сов. администрацией «полицейских целей» (стр. 211—212), неизвестно. Сов. законодательство совершенно не знает термина: «полицейский» (о законодательстве же до Октябрьской революции В. Кобалевский в этом месте не говорит, а относит свою архаическую терминологию к сов. адм. праву).

Говоря о передвижении населения, он упоминает о постановлении СНК РСФСР от 10-го мая 1922 г. (С. У. РСФСР № 34 1922 г., ст. 401), как о действующем сов. адм. праве, несмотря на то, что указанное им на 220-ой стр. постановление отменено СНК РСФСР 19-го декабря 1922 г.

Говоря об обяз. постановлениях, В. Кобалевский указывает лишь месячный срок для наложения взысканий в адм. порядке. Несмотря на то, что предисловие подписано В. Кобалевским 12-мая 1924 г., автор неизвестно, что постановлением ВЦИК'а и СНК РСФСР от 24-го марта 1924 г. предоставлено НКВД, по соглашению с НКЮ, удлинять этот срок до 2-х месяцев в тех местностях, где продление необходимо в силу местных условий, например, вследствие отдаленности расстояний, затруднительности сообщений, или при наличии особых временных обстоятельств, препятствующих нормальной работе адм. органов.

С другой стороны, В. Кобалевский излагает взгляды буржуазных авторов на 137-й стр. без всякой критики их по вопросу об адм. актах, признавая, что они не имеют юридического интереса при истолковании адм. права сов. республик (стр. 138).

На 213 стр. В. Кобалевский цитирует инструкцию работникам милиции УССР от 10-го окт. 1922 г. которой предоставлено милиционеру право задерживать и направлять в район «жандармы, зазывающих к себе прохожих и позволяющих всякие наглые и бесстыдные действия». Между тем, он пропускает циркуляр НКВД, НКЗдрава и ВЦИК'а от 26-го янв. 1924 г. № 21, которым отвергнуто адм. преследование проституток. Ни слова не говорит В. Кобалевский и об инструкции милиции о борьбе с проституцией (приказ милиции РСФСР № 15 от 25 янв. 1924 г.).

Ни слова В. Кобалевский не говорит о детской соц. инспекции и об обязанности милиции задерживать на самый короткий срок безнадзорных несовершеннолетних с передачей их по принадлежности.

Терминология В. Кобалевского коренится в буржуазном праве, равно как его определения носят буржуазный характер.

На марксистский метод в «Очерках сов. адм. права» В. Кобалевского нет никакого намека. Все эти данные приводят к выводу, что называть «Очерки сов. адм. права» В. Кобалевского учебником для ВУЗ'ов, для которых он предназначался, нельзя.

Ив. Сухоплюев.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

— СО Д Е Р Ж А Н И Е: —

Циркуляры Наркомюста: №№ 91, 92, 93, 95.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 91.

Всем председателям судов и прокурорам.

Предлагается принять к сведению и исполнительному руководству нижепечатную инструкцию ВЦИК и СНК от 21 апреля 1925 года за № АП 840/66.

Зам. Народного Комиссара Юстиции
и Ст. Пом. Прокурора Республики Крыленко.

5-го мая 1925 года.

Инструкция

ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР.

О пределах, в которых волостные исполнительные комитеты и районные исполнительные комитеты могут принимать на себя обязательства и вступать в хозяйственно-договорные отношения.

На основании ст. 16 положения о волостных съездах советов и волостных исполнительных комитетах от 16 октября 1924 года («С. У.» 1924 г. № 82, ст. 826) и в развитие ст. 9 положения об имуществе местных советов от 12 ноября 1923 года, утвержденного ЦИК Союза ССР («С. У.» 1923 г. № 113, ст. 1046), Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР постановляют:

Для осуществления задач, возложенных на волостные исполнительные комитеты положением о волостных съездах советов и волостных исполнительных комитетах от 16 октября 1924 года, волостным исполнительным комитетам предоставляется право:

1. Приобретать и получать всеми законными способами в постоянное или временное владение и распоряжение всякое имущество, не изъятное из оборота.

2. Отчуждать имущество, находящееся в их распоряжении, с соблюдением ст. 22 Гражданского Кодекса РСФСР и других узаконений, существующих на этот предмет; продавать изделия и продукты находящихся в их ведении предприятий, как за наличный расчет, так и в кредит, заключаая с государственными, кооперативными и частными организациями и отдельными лицами необходимые договоры, в том числе купли-продажи, с рассрочкой платежа и другие, принимая и выдавая задатки и авансы и включая условия о иустойке.

3. Сдавать и принимать на себя поставки и подряды, в частности, сдавать и принимать работы по ремонту, постройке, сооружению и оборудованию всякого рода строений и предприятий коммунального характера и дорожных сооружений (мостов, гатей, переправ и проч.).

Примечание. Общая совокупная годовая стоимость всех принимаемых на себя и сдаваемых волостным исполнительным комитетам поставок и подрядных работ, кроме работ по перевозке грузов и пассажиров, не должна превышать 12% доходной части годового бюджета волостного исполнительного комитета.

4. Сдавать на склады для хранения в элеваторы и т. п. учреждениа продукты производства, совершая все складские операции, получать под них ссуды, закладывать складские свидетельства и переуступать их третьим лицам.

5. Помощать деньги в сберегательные кассы, государственные и кооперативные кредитные учреждения, открывать в таковых текущие счета, вносить вклады срочные и до востребования, представлять учету принадлежащие волостным исполнительным комитетам векселя, получать ссуды под залог товаров и изделий и совершать операции, предусмотренные уставами соответствующих учреждений.

6. Вступать пайщиками в кооперативные учреждения, приобретать акции, участвовать в качестве вкладчиков в товариществах на вере, испрашивая на таковое вступление или участие разрешение уездного исполнительного комитета.

7. Заключать всякого рода краткосрочные займы, в том числе по векселям, на срок не свыше 12-ти месяцев и на общую годовую сумму не свыше 10% доходной части своего бюджета; заключать займы на срок или на сумму

свыше указанных в пределах, до 25% доходной части своего годового бюджета, с разрешения губернского исполнительного комитета по заключению уездного исполнительного комитета.

8. Арендовать жилые и нежилые помещения, сдавать в аренду всякого рода строения и земельные участки, переданные волостным исполнительным комитетам в порядке положения об имуществах местных советов от 12 ноября 1923 года и вообще находящиеся в ведении волостного исполнительного комитета и подведомственных ему учреждений, на определенные сроки и без указания сроков, а также заключать договоры найма всякого иного имущества.

Примечание. Проекты договоров, по коим арендная плата превышает 500 руб. в год, должны представляться на утверждение уездного исполнительного комитета.

9. Нанимать и увольнять рабочих и служащих, заключать с ними коллективные договоры, а также заключать всякие договоры с артелями рабочих и кустарей и отдельными рабочими на предмет выполнения ими работ и заказов из своего и их материала.

10. Сдавать и принимать участки и строения на право застройки.

11. Заключать договоры страхования всякого рода имущества.

12. Заключать договоры по сдаче в эксплуатацию переданных волостным исполнительным комитетам, в порядке положения об имуществах местных советов от 12 ноября 1923 года, вод, лесов и прочих угодий и на разработку агрономических руд, строительных камней и общераспространенных ископаемых в соответствии с п. «г» ст. 20 положения о недрах земли.

13. Заключать договоры с группами верующих и религиозными обществами о сдаче в их пользование церквей и молитвенных домов.

14. Представлять векселя к протесту и вообще совершать все нотариальные действия, необходимые для осуществления предоставленных настоящей инструкцией прав.

15. Выступать на суде в качестве истца, ответчика и третьего лица для защиты прав и интересов волостного исполнительного комитета и подведомственных ему учреждений, а также выдавать судебные и иные специальные доверенности.

16. Настоящая инструкция имеет соответственное применение к районным исполнительным комитетам в районированных областях.

Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета **М. Калинин.**

Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров
РСФСР **П. Лежава.**

Секретарь ВЦИК **А. Киселев.**

Москва, Кремль

21 апреля 1925 года.

Циркуляр Н.К.Ю. № 92.
Версуда № 10.

Всем губернским (областным) судам.

О подсудности исков об авторском вознаграждении за публичное исполнение драматических и музыкальных произведений.

Согласно разъяснению Нар. Комис. по Просвещению, опубликованному в № 27 (2062) «Известий ЦИК СССР» от 2 февраля 1924 г., за публичное исполнение драматических

и музыкальных произведений должен уплачиваться поактный авторский гонорар, при чем взимание этой платы предоставляется Московскому и Ленинградскому обществам драматических писателей и композиторов, согласно их утвержденных уставов.

По полученным с мест сведениям, многие суды относят иски, предъявляемые местными агентами названных обществ, к числу предусмотренных п. „г“ ст. 23 ГПК исков, вытекающих из авторского права, и поэтому признают их подсудными исключительно губернским судам. Между тем, все такие иски по большей части чрезвычайно малоценны, сводясь в отдельных случаях к нескольким рублям, и требуют, вследствие подвижности и текучести театральных организаций, исполняющих драматические и музыкальные произведения в разных местностях, быстрого удовлетворения, недостижимого при необходимости вести такое дело в губсуде. По существу же эти иски совершенно бесспорны и сводятся лишь к простому арифметическому подсчету причитающихся сумм. Все это приводит к выводу, что дела этого рода, хотя и основаны на авторском праве, но не подходят под ту категорию споров особой сложности и значительности, которые подразумеваются в делах, изъятых из ведения нарсудов.

По этим соображениям Народный Комиссариат Юстиции и Верховный Суд РСФСР разъясняют, что иски об авторском вознаграждении за публичное исполнение драматических и музыкальных произведений, взимаемое по разъяснению НКЮ,оса («Изв. ЦИК» 2 февраля 1924 г. № 27 (2062)), должны быть принимаемы к рассмотрению в народных судах, если по сумме иска они не превышают их подсудности.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

Председатель Верховного Суда **Стучка.**

5 мая 1925 года.

Циркуляр № 93.

Всем губернским и областным прокурорам.

О порядке передачи органами дознания другим органам дознания незаконченных производством дознаний.

Отдел Прокуратуры НКЮ, в виду поступающих сведений о передаче одними органами дознания незаконченных производств другим органам дознания без предварительной санкции участкового прокурора или наблюдающего за органом дознания участкового следователя, предлагает Вам принять к руководству следующее положение:

Органы дознания имеют право самостоятельной передачи только законченных производств (в порядке 105 и 106 ст.ст. УПК). В случаях же необходимости передать производство для дальнейшего ведения дознания другим органам дознания обязательна предварительная санкция прокурора или наблюдающего за данным органом дознания следователя.

Зам. Наркома Юстиции и Ст. Помощник Прокурора
Республики **Крыленко.**

6 мая 1925 года.

Циркуляр № 95.

Всем губернским и областным прокурорам.

О порядке производства работниками милиции и уголовного розыска обысков, осмотров и выемок.

Из актов произведенных прокурорами Н. К. Ю. ревизий устанавливается, что в отдельных губерниях сотрудники уголовного розыска и милиции снабжены служебными удостоверениями по форме № 4, установленной циркуляром № 341 от 13-го августа 1924 года ЦАУ НКВД, и по форме № 2 согласно циркуляра упр. делами НКВД за № 345 от 18-го октября 1923 года. По этим удостоверениям сотрудники пользуются правом производства обысков, осмотров и выемок во всех случаях, предусмотренных ст. 99-й У.П.К.

Между тем, на основании инструкций, согласованных между Н.К.Ю. и Н.К.В.Д., все эти действия допустимы только при соблюдении правил, изложенных в §§ 55—56 инструкции органам милиции о порядке производства дознания и § 146 инструкции о деятельности учреждений уголовного розыска.

В виду этого Отдел Прокуратуры Н.К.Ю. предлагает

Вам проверить в пределах Вашей губернии (области) постановку выдачи вышеуказанных служебных удостоверений.

Если окажется, что местные органы дознания пользуются вышеописанными удостоверениями личности, представляющими фактически неограниченный по срокам, по месту мандат, немедленно принять меры о внесении в них дополнительных указаний из указанных §§ инструкций.

Зам. Наркома Юстиции и Ст. Помощник Прокурора
Республики Крыленко.

7 мая 1925 года.

От Редакции.

По сообщению ГКК Верховного Суда, в присланном в Редакцию оригинале определения г. акад. кассад. коллегии от 3/1-25 г. по делу за № 34146 («Еж нед. Юстиции» 1925 г. № 15) при изложении кассационной жалобы начальника Грознефти вкралась ошибка, а именно: напечатано, что «согласно п. а ст. 189 Кодекса законов об актах гражданского состояния социальное обеспечение детям до 16 лет», следует же читать: «согласно п. а ст. 189 Кодекса законов о труде социальное обеспечение» и т. д.

ОТ РЕДАКЦИИ.

1. Редакция просит авторов присылать рукописи, по возможности, перепечатанные на машине или написанные четким почерком на одной стороне листа.

2. Редакция оставляет за собой право сокращений и редакционных поправок, не влияющих на содержание, если нет прямого возражения автора.

3. Непринятые рукописи авторам обратно не возвращаются.

Для ответов на всякого рода запросы должна быть приложена почтовая марка.

4. Гонорар получается в редакции самими авторами. Иногородним высылается за вычетом почтовых расходов, если указан точно адрес.

Ответственный Редактор
Редакционная Коллегия

{ Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.

Издатель { Юридическое Издательство НКЮ РСФСР.

НАХОДИТСЯ В ПЕЧАТИ КНИГА

ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РСФСР

с постатейно-систематизированными материалами.

Составлена и отредактирована коллективно работниками НКЮ и Верховного Суда РСФСР Бродявским, Гавиным, С. Зайцевым, Изволенским и Лебедевым с участием в редактировании тезисов решений ВАК Тепляцкого.

Под общей редакцией председателя гражданской кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР Александровского.

С предисловием Члена Коллегии НКЮ Бранденбургского.

Содержание ее—систематизированные по статьям Гражданского Кодекса официальные материалы. Книга исчерпывает законодательные акты, циркуляры НКЮ и Верховного Суда РСФСР, разъяснения пленума Верховного Суда РСФСР, кассационную практику гражданской кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР, ведомственные циркуляры по вопросам гражданского материального права, разъяснения Отдела Законодательных Предположений и Кодификаций НКЮ, практику Высшей Арбитражной Комиссии. Книга снабжена постатейным библиографическим указателем литературы по гражданскому материальному праву и алфавитно-предметным указателем. Материалы будут доведены до 1 апреля 1925 года.

Книга содержит в себе около 50 печатных листов большого формата.

Предполагаемая цена книги 4 руб.

В целях точного выяснения тиража книги и гарантии получения всеми желающими ее иметь Юридическое Издательство теперь же отыскивает на книгу предварительную подписку.

ВСЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ПОДПИСАВШИЕСЯ ОБЕСПЕЧЕНЫ УДОВЛЕТВОРЕНИЕМ.

Все, приславшие до 15 мая задаток в размере 2 р. за экземпляр, получают скидку в 20%.

Выход книги ожидается к 1 июля 1925 г.

Вышла из печати и поступила в продажу книга:

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РСФСР

с постатейно-систематизированными материалами.

СОДЕРЖАНИЕ: Текст Уголовного Кодекса РСФСР. Постатейно расположенные официальные материалы законодательного и ведомственного характера (декреты и постановления Р.-К. Правительства, инструкции, ведомственные распоряжения, циркуляры Наркомюста, разъяснения пленума и циркуляры Верховного Суда РСФСР). Систематический указатель литературы. Подробный алфавитно-предметный указатель.

Книга составлена и отредактирована коллективно работниками Наркомюста РСФСР С. С. Декерхановым, Т. П. Зайцевым, А. Н. Модковским, В. В. Соколовым и В. П. Усковым.

Объем книги около 600 страниц убористой печати. Цена 3 руб. 50 коп.

Тираж ограничен.